ВЛАДИМИР
ШЛИФОВАЛЬЩИК

ЛОЖКА ДЁГТЯ

Владимир Шлифовальщик

Ложка дёгтя

«Остеон-Групп»

Шлифовальщик В.

Ложка дёгтя / В. Шлифовальщик — «Остеон-Групп» ,

ISBN 978-1-5003-3807-7

Это был отсталый мир с примитивными технологиями. Аборигены материализовывали мысли, обменивались свойствами как предметами обихода, управляли причинно-следственными связями, меняли логические законы, отделяли сущности от явлений. В этом сером и скучном мире дикарские орудия труда позволяли останавливать время, откатывать назад события прошлого, оживлять мёртвых, перемещаться в любую точку Вселенной, менять топологические характеристики пространства.Так бы и жили варвары, не познав благ цивилизации. Но пришли люди с Земли и принесли в убогий мир удивительные вещи: <strikethrough>бусы</strikethrough>, <strikethrough>зеркала</strikethrough>, чипсы, йогурты, пиво и сериалы. И началось!..

ISBN 978-1-5003-3807-7

© Шлифовальщик В.
© «Остеон-Групп»

Содержание

Первая часть. В начале было слово 5
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Владимир Шлифовальщик
Ложка дёгтя

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.
(Евангелие от Матфея, VII, 15)

Первая часть. В начале было слово

1

Нищесвой Фил воровато оглянулся, вытащил из тайника накопник и добавил себе ума. Голова закружилась, как от браги из морквосвёклы, которую варит старая Лайга. Сразу же наступило просветление, и унылые окрестности Отстойника предстали в ином виде. Добавленные к уму пятьсот своев романтики сделали убогий окружающий мир загадочным и зовущим – самое приятное ощущение, ради которого Фил ежедневно наведывался к тайнику. От романтического созерцания окрестностей удовольствия больше чем от жёванки из толокнянника, которой тайно снабжает собратьев-нищесвоев выжига и прохвост Харпат.

В накопнике оставалось ещё решительности чуть больше трёхсот своев и всякая мелочь вроде электропроводности и упругости. Но Фил пришёл сюда, чтобы помечтать и полюбоваться окружающим неприглядным миром, поэтому решительность могла лишь помешать; он не стал ею накачиваться. А упругость вообще даром не нужна, не собирался же он скакать как блоховошь вдоль стенки Купола!

К приятному романтическому чувству, сдобренному умом, примешивалось щекочущее чувство тревоги. В трёх сотнях шагов от тайника – посёлок смотрил. Если патруль застукает Фила с накопником, беды не миновать. Сначала смотрилы будут долго и сладострастно пинать нарушителя, затем отволокут в посёлок, швырнут нищесвоя под абстрактор и превратят в абстра. А могут полениться тащить в такую даль и просто сунут в ближайший пересущ, откуда несчастный Фил вылезет в виде какого-нибудь прожорливого щелкача или ещё того хуже.

Но в том-то и вся хитрость, что сюда патрульные никогда не суются: здесь некого обессвойствить. Нищесвои от Обиталища так далеко не забираются. Собратья Фила копошатся в основном на Плоске, где полно словохлама, в котором можно отыскать неплохую обвещь и продать её смотрилам за чашку похлёбки. А если навычка попадётся, случайно затерявшаяся среди словохлама, или, ещё лучше, действяк, можно и недельный паёк заработать. Здесь же, возле Купола, не то, что обвещи, съедобных кореньев не найдёшь.

* * *

Нищесвой обвёл умным и романтическим взглядом окраины Отстойника. Позади Фила, шагах в пяти – полупрозрачная стенка Купола. С той стороны, в неведомом и загадочном Закуполье, иногда мелькали какие-то смутные тени, пробуждая любопытство. Справа – опасный посёлок смотрил, о котором не следовало забывать даже в минуты романтического экстаза. Слева в пятистах шагах рябит Ржавое Озеро с торчащими вдоль берегов корявыми кустами без листьев и какой-то склизкой гадостью. За озером, за этой огромной грязной лужей – обитель абстров: страшное место, куда даже вооружённые до зубов смотрилы побаиваются соваться. Впереди – сам Отстойник во всей красе. Горы ржавых прутьев, труб, тряпья и прочего мусора

перемежались кучами словохлама: разноцветных хиканобусов, сломанных флибадонов и других неприятных вещей, из которых некоторые были недоопределёнными и выглядели особенно странно.

Проглоченный романтизм придавал унылому пейзажу загадочность и привлекательность. Созерцать родные места и мечтать о прекрасном лучше, чем накачиваться брагой и бить физиономии родным и соседям. В такие славные минуты чувствуешь себя чуть ли не наружником. Жаль только, что времени на мечты маловато – нужно успеть вернуться в обиталище, пока не выползли на ночную охоту квазиволки, толстоглазики, щипалки и другие малоприятные и нелепые обитатели Отстойника.

Если приглядеться, то можно рассмотреть нищесвоев на Плоске, занятых своими вечерними нехитрыми делами. Одни ищут мучнистые коренья – прибавку к скудному суточному пайку, другие роются в кучах словохлама и складывают найденную обвещь в большие грязные мешки. У Фила тоже есть такой мешок, в котором лежит мегест и парочка злапаусов. Обвещь, конечно, дрянная, но сгодится, чтобы отбрехаться от патруля, если вдруг попадётся.

* * *

Уловив движение со стороны посёлка смотрил, нищесвой отработанным движением убрал ум и романтику в накопник, который моментально запихал под коробку, завалив сверху разным хламом. Из ворот посёлка вышли двое смотрил в оранжевой униформе, вооружённые явломётами, и выволокли ободранного нищесвоя, до того убогого, что он скорее напоминал абстра. Оборванец рыдал в голос и бился в сильных руках смотрил. Те потащили его в сторону резко поглупевшего Фила. Нищесвой сжался, сердце его заколотилось, и он отбежал подальше от тайника: оставшегося ума хватило додуматься до этого. Смотрилы приближались, волоча оборванца; бежать было некуда – заметят моментально. Фил присел за зловонной кучей мусора, прижал к себе мешок с обвещью и зажмурился. Смотрилы, как назло, приволокли оборванца именно к той куче, за которой прятался романтик, и с размаху швырнули оборванца чуть не голову Филу.

– Вот теперь твоё место, нищесвой! – загоготал один из смотрил, пихая оборвыша ногой в бок. – Привыкай, принюхивайся…

Второй смотрила встрепенулся, заметив Фила, ткнул в бок первого и указал на сжавшегося романтика. Гоготавший немедленно умолк, подозрительно нахмурился, вынул из кармана унимер и направил его на романтика. Фил осторожно приподнялся, прижимая мешок с обвещью к груди и подобострастно хихикая.

– Норма, – произнёс первый смотрила, глядя на унимер. – Девятнадцать своев по среднему.

– А мне показалось… – недоверчиво проговорил второй, снимая с плеча явломёт и вгоняя явл в ствол.

Увидев оружие в руках смотрилы, Фил вздрогнул и попятился. Смотрила прицелился немного в сторону от романтика и нажал на спуск. На то место, где совсем недавно сидел умный Фил и любовался окрестностями, обрушился мощный град. Несколько крупных градин отскочили и щёлкнули романтика по лбу. Фил упал и закрыл голову руками, закричав от страха. Смотрилы удовлетворённо зареготали в обе глотки.

– Я ж говорю, что норма, – уверенно сказал первый. – Обычный нищесвой, глупый и трусливый, как шакалоид. Даже взять с него нечего. Хотя…

Он уверенно подошёл к испуганному нищесвою и отобрал у него мешок. Деловито поджав губы, смотрила выудил из мешка обвещь, брезгливо отбросил злапаусы, сунул в карман новенький мегест и швырнул мешок обратно Филу.

– Мегест изымается по имя Лепеста! – хохотнул второй смотрила.

При упоминании всуе имени господа Фил набожно перетреуголился правой рукой, одновременно подхватывая мешок левой. Смотрилы же, потеряв всякий интерес к романтику, подошли к оборванцу, рыдающему в куче мусора, для порядка потыкали в него стволами явломётов и отправились к воротам посёлка, закинув оружие за спину. Фил подождал, пока они скроются с глаз, подобрал злапаусы, сунул их в мешок и осторожно подошёл к нищесвою.

– Ну, здравствуй, новичок, – дружелюбно поприветствовал он лежащего и несильно пнул его.

Новенький немедленно завопил, втягивая голову в плечи. Фил за шиворот поднял его с кучи, поставил на ноги, встряхнул и наградил подзатыльником. Потом он обшарил карманы рванья, в которое был одет нищесвой, но они оказались пустыми. Глупо найти что-то в карманах после смотрил – те, конечно, давно всё выгребли.

– Будешь моим личным шустриком, – «обрадовал» оборванца романтик. – Пошли со мной.

Оборвыш втянул шишковатую голову в плечи и, испуганно озираясь, засеменил к посёлку смотрил.

– Да не туда, Лепест тебе в глотку! – сбогохульничал Фил, ткнув новичка в спину. – Здорово тебя обессвойствили!

Тычком романтик развернул оборванца по направлению к обиталищу нищесвоев и придал ему скорости другим тумаком. Новичок пискнул, вжал голову в плечи и, всхлипывая, побрёл, аккуратно огибая торчащие безлистные кусты и поминутно запинаясь о торчащие из земли ржавые арматурины. Фил брёл сзади, иногда останавливаясь, чтобы справиться с одышкой. При этом он успевал одной рукой ощупать обвещь в мешке, а другой притормозить оборвыша за шкирку.

– Ты откуда такой красивый? – спросил романтик во время одной из остановок. – Смотрила что ли бывший?

– Чего это? – содрогнулся новичок, заранее вжимая голову в плечи.

– Ничего! – пробурчал Фил. – Обессвойствили же тебя, болезного, под самый корень! Хоть бы капельку соображаловки оставили, шакалоиды! Ничего не понимает! Имя-то хоть помнишь?

– Чьё? – удивился оборвыш, остановившись и приоткрыв рот.

– Ну не моё же! Своё! Вот дурень!

– Герт, – представился новичок, тупо глядя перед собой.

– Ну, хоть что-то, – удовлетворился ответом романтик. – А ко мне можешь обращаться «господин Фил». Или просто «хозяин». Не бойся, я буду хорошим хозяином. Бить тебя сильно не буду, если провинишься…

Герт в ответ лишь втянул голову в плечи, ускорил шаг и едва не угодил в пересущ. Фил едва успел сграбастать ротозея за шиворот.

– Ослеп что ли, раззява?! – закричал он на новоиспечённого шустрика.

Тот обернулся и непонимающе уставился на Фила.

– Чего это?

И тут же трусливо добавил:

– …хозяин!

– Пересущ не увидеть, это надо же! – проворчал романтик. – Его же за десять шагов видно! Откуда тебя только принесло такого? Смотри сюда!

Он нагнулся, подобрал с земли камень покрупнее, швырнул в пересущ и проворно отскочил за гору словохлама, волоча за собой Герта. Камень исчез, пересущ издал знакомый рёв, заблестел всеми цветами радуги и выбросил наружу вертлявую плевачку. Та тут же завизжала, захлопала ушами и начала крутиться на месте, плюясь вокруг себя ядовитой слюной, от которой на коже вылезают волдыри и язвы. Израсходовав запас слюны, плевачка промчалась мимо

нищесвоев в сторону Ржавого Озера. Изумлённый новичок уставился ей вслед, пока Фил не привёл его в чувство тычком в бок.

– Вот и ты мог бы превратиться в такую уродину, – пояснил романтик раззяве. – Или в кого ещё похуже. Ну, пошли!

Теперь настала очередь новичка хватать за шиворот. Не ожидавший такого Фил чуть не упал.

– Ты чего? – набросился он на Герта.

– Так пересущ же!.. А ты прямо на него…

Фил изумлённо поглядел на оборванца и покрутил пальцем у виска:

– Он же разрядился! – Удивительно, что кому-то пришлось объяснять такие простые вещи, которые знает любой мальчишка. – Теперь до ночи заряжаться будет.

Романтик смело прошёл через пересущ, новичок последовал за ним, приседая от страха. Напуганный пересущем Герт чуть ли не до самого обиталища оглядывался и вжимал голову в плечи.

* * *

Когда впереди показалось родная обитель – нагромождение хижин, сделанных из всякой дряни вроде непонятных железных коробов и трухлявых сучьев, обнесённых частоколом из серого полуопределённого бедаката – новичок струхнул ещё больше. Он засуетился, прислушиваясь к пьяным воплям нищесвоев и принюхиваясь к запахам гниющих остатков пищи, выброшенных за частокол. Соплеменники Фила, как всегда в вечернее время, кучковались на пустыре, хвалясь дневными находками, решая мелочные проблемы, накачиваясь брагой и дурея от жёванки.

– Не хочу туда, мамочка! – завопил Герт, когда они с Филом приблизились к проёму в частоколе, и хотел задать стрекача. Фил еле успел схватить его за шиворот и втолкнуть в калитку.

Привлечённые криками Герта, к Филу и новичку немедленно начали стекаться жители обиталища. Не успели романтик с оборванцем отойти от калитки, как вокруг них собралась целая толпа нищесвоев: грязные мужчины, оборванные женщины, тощие агрессивные дети. Разумеется, тут же из толпы выскочил заводила Харпат.

– Смотрите, братцы, новенький! – радостно завопил он и захохотал во всю глотку, обнажив гнилые пеньки зубов. – Да какой убогонький, Лепест тебя задери!

Харпат немедленно начал прыгать вокруг Герта, кривляясь и корча страшные рожи.

– Новенький, новенький! – заорали другие нищесвои. Некоторые начали тянуть грязные руки к оборвышу, стараясь дёрнуть его за обноски или ущипнуть побольнее. Старая Лайга, напробовавшаяся с утра своей браги в процессе приготовления, пошатываясь, пробралась сквозь толпу к новичку и изо всех старческих сил ударила его по спине клюкой. Герт внезапно подскочил, закричал и присел, прикрывая голову руками. Это ещё больше обрадовало толпу. Щипки и тычки посыпались на несчастного со всех сторон. Напрасно Фил пытался угомонить соплеменников, защищая своего шустрика: на романтика никто не обращал внимания.

– Не трогайте мужчинку! – неожиданно вступилась за новичка похотливая Найза, у которой привлекательность слегка превышала норму. – Изувечите мне мужичка!

Она пробралась к новичку, плотоядно улыбнулась и потянула его за рукав:

– Пойдём со мной, новенький-свеженький! Я тебе кое-что покажу…

– А я? – немедленно обиделся кривляка Харпат и подскочил к Найзе, размахивая кулаками. – А как же я? Меня променяла на этого недоделка?!

Он, красный от бешенства, вцепился Найзе в волосы. Та тут же ответила метким пинком в низ живота. Ревнивец скорчился и истошно завизжал, держась обеими руками за больное.

Толпа, обрадованная новым зрелищем, моментально забыла про новичка. Дерущихся окружили и начали подбадривать, давая советы один пошлее другого.

– Быстрее отсюда! – приказал Фил, дёрнув Герта за рукав. – Пока эти тут…

Они выбрались из толпы. Следящие за дракой соплеменники не обратили на них внимания, лишь какой-то злобный подросток швырнул им вслед сухим лисомедвежьим помётом.

Фил и Герт, оглядываясь, добежали до короба, где жил романтик, отдышались, поднялись по шатающейся лесенке и оказались в тёмном душном помещении с нарами, застеленными старым тряпьём. Вдоль помещения тянулась верёвка, на которой сохла какая-то пахучая рухлядь. В дальнем углу чадила печка, на ней в ржавой банке кипело смрадное варево. На одной из полок спал нищесвой, закутавшись в рваньё с головой. Мощный храп пробивался даже через плотную ткань.

– Вон та полка моя, – указал Фил на нары в самом дальнем углу. – Рядом свободная. Твоей будет. Там и постелить есть что. До тебя жил тут один… Вчера его щелкачи сожрали. За полку с тебя – две пайки.

– Не хочу я тут жить! – простонал новичок, постепенно приходя в себя от всех прошедших потрясений.

– Других полок нет, – развёл руками Фил, удивлённый неожиданной привередливостью новенького.

– Причём тут полки! Среди вас, подонков, не хочу жить. О мой Лепест, какие же вы все негодяи!

Фил не сдержался и отвесил дерзкому оборванцу затрещину. Тот не захныкал по обыкновению, а бешено уставился на романтика.

– Ну, бей меня, сволочь, бей! – закричал он. – Перед сильными ты скачешь на задних лапках и хихикаешь. А меня, слабака, чего ж не побить. Давай, лупцуй! Хозяин, чтоб тебя!

Романтик опешил от такой складной речи и опустил руки. Храп прекратился, из кучи рванья показалась заросшая седыми волосами голова.

– Я сейчас встану и поубиваю всех! – прорычал разбуженный нищесвой.

Фил и новичок испуганно присели. Убедившись, что носитель седой головы опять захрапел, они перешли на шёпот.

– Не хочу тут жить, – повторил вполголоса Герт.

– Не живи, пожалуйста! Давай, иди за ограду. Скоро ночь, квазиволки тебе будут очень рады. Костей не оставят.

Аргумент подействовал, и новичок смолк.

– Есть хочешь? – примиряющее спросил романтик.

– А у тебя есть пища? Господин Фил…

– Сейчас украдём немного.

Фил подошёл к своей полке, пошарил под ней и нащупал железный мятый биганчик – нехитрую ёмкость, которой охотно пользовались и нищесвои и смотрилы последние дней десять. На цыпочках романтик подкрался к печке, покосился на полку с храпящим нищесвоем и аккуратно отлил в биганчик кипящего варева.

– Жри, – благодушно посоветовал романтик, вернувшись.

Он усадил новичка на свою полку и сунув ему под нос еду.

– А где ложка? – спросил тот, зачем-то пошарив глазами возле биганчика.

– Чего тебе ещё? – недовольно пробормотал Фил, удивлённо глядя на Герта.

– Ложку бы…

– Какую «ложку»? Что ты мелешь? Бери и ешь!

– Руками?!

– Можешь ногами! – хмыкнул романтик.

Новичок неловко полез в биганчик пятернёй.

– Да подожди, пускай остынет! – запоздало посоветовал Фил, увидев, что оборванец отдёрнул руку и немедленно заревел в голос. Однако, заметив, что храп на соседней полке прекратился, испуганно затих, всхлипывая и дуя на обожженные пальцы.

– Ну ты и тупица! – прошептал романтик, дивясь на несообразительность Герта. – Ум у тебя подчистую, что ли, забрали?

– Нет, оставили чуть-чуть, – ответил новичок, делая вторую попытку зачерпнуть мутную жижу рукой. – По норме полагающийся.

– Минимум самый, видать, оставили, – проворчал Фил. – Чтобы в абстра не превратился.

* * *

Новенький так и не успел отведать варева. В жилище внезапно вошёл местный предводитель нищесвоев Мих, сопровождаемый своим шустриком Харпатом, вразвалку подошёл к новичку, рывком поднял его и неспешно вывернул карманы.

– Всё успел забрать? – недовольно спросил он Фила, повернувшись к нему.

– Я же говорю, всё! – заорал Харпат, подпрыгивая от нетерпения. – Дай ему, Мих! Дай ему по морде!

– Да не было у него ничего, Мих! – залепетал романтик, пятясь в тёмный угол и униженно кланяясь. – Смотрилы всё подчистую захапали. Лепест свидетель, не было!

– Врёшь, шакалоид! – зарычал предводитель, наступая на Фила. Его маленькие глазки зло смотрели на романтика.

Храпящий на полке нищесвой снова замолчал, приподнял голову, собираясь рявкнуть, но, увидев предводителя, испуганно замолчал и зарылся в тряпьё. Фил вжался спиной в стену и зажмурился, ожидая удара. Мих остановился перед ним.

– Врежь ему, Мих, врежь! – подзуживал Харпат, увиваясь вокруг предводителя. – Чтобы кровища брызнула!

Предводитель, не обращая внимания на своего шустрика, хищно улыбнулся:

– Что нужно сделать, когда тебя ругает предводитель?

Фил уже давно догадался, но старался оттянуть момент. Теперь, когда у него явно попросили мзды, он вздохнул, вытащил из-под нар мешок и протянул его Миху. Тот вырвал мешок из рук и с разочарованием вытащил злапаусы, уже начавшие портиться и тошнотворно пахнуть.

– Действяков нет? – спросил предводитель, швырнув мешок на пол.

– Да какие там действяки, Мих! – заныл Фил. – Одна дрянь сегодня попадалась!

– А навычек?

Романтик только закатил глаза, что должно было убедить настырного предводителя в полном отсутствии навычек.

– Может, у него ещё что есть, – науськивал Харпат, глядя снизу вверх на предводителя. – Давай поищем вместе, а? Под полкой прячет, я точно говорю. Он ведь жадный, сволочь! Делиться не хочет!

Но раздосадованный Мих уже собрался уходить. Не зная, чем заглушить досаду, он наподдал ногой биганчик с украденной жижей, расплескав так и не остывшее варево по всему помещению. Перед выходом он обернулся и погрозил Филу кулаком. Увидев, что угроза миновала, голодный новичок начал соскребать жижу с пола.

2

Утром Фил проснулся от привычного грохота. Это палили в воздух из явломётов смотрилы. Явлов они не жалели, причём самых разных. Над обиталищем разразилась сильная гроза с бураном, смерчами и селевыми потоками. Несочетаемые природные явления, разбушевав-

шиеся на небольшом участке, издавали это неприятное грохотание, служащее сигналом подъёма для нищесвоев.

– Подъём, быдланы!! – слышался за стеной жилища чудовищный голос. – На утреннюю проповедь становись, пока я вас не передушил всех!!

Казалось, вопли было слышно во всём Отстойнике. Это орал Голосун (так его прозвал Фил) – смотрила с невероятно громким голосом. Голосистости у него чуть ли не с килосвой, видимо, специально для того, чтобы будить жителей обиталища.

Глянув на соседнюю полку, романтик увидел, что Герт проснулся, завернулся в тряпьё и испуганно прислушивается к воплям на улице.

– Подъём, подонки!! Браги, что ли, перепились?! Вши помойные, бегом на улицу! – надрывался Голосун. – А то песчаными бурями стрелять начнём!

– Давай быстрее, новенький! – посоветовал Фил. – Пока смотрилы бить не начали.

– А чего это они, хозяин? – спросил Лер с содроганием.

– Ничего. Обычный подъём. Так каждое утро.

Фил и Герт выскочили на улицу и под грохот разнообразных природных стихий помчались на пустырь, где обычно проходила проповедь. Они миновали двух рослых смотрил-явломётчиков в оранжевой форме. Один из смотрил повернулся к бежавшим друзьям и прицелился в них:

– Бух! – «пошутил» он, делая вид, что нажимает на спуск.

Лер действительно испугался, Фил же знал о подобных «шутках» смотрил. Для удовольствия смотрилы он сделал вид, что замер от ужаса, а затем что есть силы рванул к пустырю, изображая панику выпученными глазами, бестолково размахивая руками. Ничего не понимающий Герт бросился за ним под дикий хохот явломётчиков.

На пустыре уже присутствовал отец Гведоний, которого охраняли четверо гороподобных смотрил, держащих наготове унимеры и накопники. Священник, одетый в оранжевую рясу и перепоясанный оранжевым поясом, заметно отличался от охранников. Он был маленьким и сухоньким. Но недостаток физического развития у него компенсировался хорошо подвешенным языком и изворотливым умом. Отец Гведоний терпеливо дожидался заспанную и грязную паству, которая постепенно заполняла пустырь. Последней прибежала, запыхавшись, старая Лайга, подгоняемая пинками одного из смотрил. Мих, стоящий впереди толпы, захихикал, заискивающе поглядывая на смотрил и священника. Он знал, что иногда, очень-очень редко, самых преданных нищесвоев переделывают в смотрил, страстно мечтал об этом и поэтому выслуживался как только мог.

– Здравствуйте, мои родные ублюдки! – медовым голосом проворковал священник. – Начнём, помолясь.

Нищесвои, у кого на головах имелись шапки, немедленно их стащили. Все дружно опустились на колени. Фил подтолкнул зазевавшегося Герта. Отец Гведоний раскрыл Либру.

– Сегодня, дети мои, я прочту вам назидательную притчу о Хабидоське, – сообщил он замершей толпе. Это была его любимая притча; если он её читал, значит, настроение у него хорошее. Филу притча тоже нравилась из-за относительной краткости.

– Задумал нищесвой Хабидоська стать не просто наружником, а уподобиться самому господу нашему Лепесту, – нараспев начал священник. – И обманом проник он в посёлок смотрил, совершив тем самым тяжкий грех. И ещё больший грех он совершил, украв все свойства с второсклада: и ум, и совесть, и смелость, и любовь к ближнему своему. Наполнился Хабидоська свойствами до отказа и радуется, ожидая, когда же ему будут молиться нищесвои, смотрилы и наружники. Весь второсклад перенёс он в себя. Но не дождался молитв от паствы Хабидоська, ибо Лепест устроил мир так разумно, что излишества в свойствах оборачиваются бедой. Излишек красоты превращается в смазливость, совести – в самобичевание, смелости – в безрассуд-

ность, щедрости – в транжирство, мужественности – в брутальность, красноречия… – Отец Гведоний покраснел, – в болтливость…

Фил искоса глянул на новичка и увидел, что тот озирается по сторонам и слушает невнимательно.

– Не вертись! – шепнул романтик, опасливо косясь на смотрил. – Слушай, давай!

– Религия – опиум для народа, – непонятно ответил Герт. – Вздох угнетённой твари.

– Эй, кто там шепчется?! – услышав шёпот заорал Голосун, вглядываясь в толпу.

На Фила и Герта немедленно указали несколько пальцев:

– Это вот эти двое! Это они всё… – раздались поблизости радостные голоса.

Отец Гведоний ласково улыбнулся:

– Оставьте этих неразумных детей без суточной пайки, – велел он смотрилам. – Ибо голодная плоть увеличивает смирение и кротость. Особенно у таких подонков, как вы, дети мои.

Фил так расстроился из-за слов священника, что проповедь перестала восприниматься. Тут не до Хабидоськи, когда есть не дают! Он начал усиленно вспоминать места, где растут съедобные коренья. Надо ведь будет питаться чем-то целый день. Скудную пайку раздают только утром, да и то её хватает не на всех. Она не насыщала, а лишь притупляла чувство голода. Теперь, чтобы не чувствовать пустоты в желудке, придётся целый день ползать на коленях, выкапывая водянистые коренья, которые создают иллюзию сытости. А если повезёт, то можно найти обвещь и сменять её на еду у смотрил.

По коленопреклонной толпе шныряли смотрилы с накопниками и унимерами. Они замеряли характеристики нищесвоев. Излишки тут же изымались, пополняя накопники. Все свойства, нажитые за сутки, уменьшались до нормы. Герт с ужасом наблюдал эту картину.

Рядом с новеньким стоял на коленях юноша. По лёгкому блеску его глаз было видно, что за сутки ум его увеличился весьма прилично. Молодость есть молодость – за сутки у юнцов любое свойство увеличивается на несколько десятков своев. К юноше сзади подошёл смотрила и направил ему в затылок унимер. Устройство тревожно запиликало.

– Ого! – удивился смотрила, глянув на унимер. – В два раза выше нормы!

Юноша встрепенулся, дерзко взглянул на смотрилу и вскочил.

– Не отдам! – процедил он сквозь зубы, стиснув кулаки.

Но опытный смотрила оказался проворнее. Он моментально воспользовался накопником. Глаза юноши потускнели, рот приоткрылся, и на землю закапала слюна.

– Другое дело! – удовлетворённо произнёс смотрила, встряхивая покруглевшим накопником. – За твою дерзость придётся тебе безумцем походить…

Новенького настолько поразила эта сцена, что он побледнел как полотно и начал заваливаться на бок. Фил незаметно придержал его за локоть.

– Видите, братья мои! – проникновенно произнёс отец Гведоний, указывая на поглупевшего и обезволенного юношу. – Этот жадный нищесвой совершил страшный грех. Он пожалел свои качества. Он забыл, что господу своему надо отдавать самое главное – свои свойства. За то, что господь наш Лепест кормит, одевает и согревает нас, мы отдаём ему лучшее, что у нас есть. Мы отдаём ему силу, ум, любознательность и храбрость. Ибо для господа нашего ничего не жалко.

Ехидный Харпат, стоящий на коленях возле поглупевшего юноши, хрипло рассмеялся и стал тыкать в парня пальцами, стараясь подпрыгнуть на четвереньках.

– Ты зачем привлекательности у Найзы убавил? – возмутился один смотрила, стоящий неподалёку от Фила и Герта, действиями другого. – Эта девочка нам ещё пригодится. Она же к нам в посёлок в гости ходит!

Отнявший немедленно вернул отнятую привлекательность молодухе, сальным взглядом оглядел её и остался доволен.

Проповедь с одновременным изъятием излишков ума, смелости, силы воли, логики и доброты была настолько отработанным мероприятием, что как только смотрилы обошли каждого нищесвоя, отец Гведоний тут же и закончил притчу. Фил подозревал, что священник импровизирует, в зависимости от ситуации удлиняя или укорачивая рассказ, пока накопники смотрил не достигнут нужной толщины, но гнал от себя эти грешные мысли. После проповеди священник перетреуголил толпу и пожелал приятного вкушения даров господа.

* * *

Нищесвои, поглупевшие и пострашневшие за время проповеди, оживились, видя, как от посёлка смотрил приближаются к пустырю двое в оранжевой форме, волоча огромный биган. Самые опытные нищесвои вынули припасённые биганчики и ржавые банки, готовясь получить свою пайку, менее опытные побежали в обиталище за тарой. Новички заметались, чувствуя, что могут остаться без еды. В этом они правы – биган слишком мал, чтобы накормить такую ораву. Хватит далеко не всем; остальным придётся отправиться на поиски съедобных кореньев. Говорят, ушлый Харпат придумал выращивать капустные помидоры, но смотрилам эти зачатки земледелия не понравились. У нищесвоя вытянули всю сообразительность и хозяйственность почти до нуля, урожай сгнил на корню, и Харпат с тех пор и думать перестал о земледелии.

Двое смотрил, притащившие биган, поставили его возле отца Гведония. Тот отошёл подальше, зная, что за этим последует. Смотрила открыл биган, и в воздухе неприятно запахло съестным. Вокруг бигана моментально собралась толпа. Нищесвои, отпихивая соседей локтями, протягивали ёмкости в ожидании раздачи. Кто-то, задавленный, пронзительно заверещал, раздалась плюха. В воздухе витала ядрёная матерщина. Старая Лайга, кусаясь и царапаясь, пробивалась к баку наравне с мужчинами. Смотрила начал раздачу, черпая из бигана бурую жижу и плюхая её в подставленные биганчики. Он часто отвлекался от раздачи и лупил половником наиболее наглых нищесвоев, разбрызгивая горячую похлёбку в разные стороны. Пара юрких новичков, не позаботившиеся о таре, получили свои порции в подставленные ковшиком ладони и, обжигаясь и рыдая от боли, выхлёбывали жижу в сторонке.

Понадеявшись, что смотрилы про него забыли, Фил нашёл какой-то мятый биганчик и попытался получить пищу. Но зоркий смотрила заорал на него:

– А ты куда лезешь?! Тебя же пайки лишили!

И метко ударил романтика по голове половником. Схватившись за ушибленное место, Фил заплакал от боли и досады и отошёл в сторону, отшвырнув ненужный пустой биганчик. Заметив стоящего рядом Герта, он замахнулся на него:

– Из-за тебя всё, опиум для народа!

Тот проворно отскочил в сторону, не став спорить. Он всё ещё находился под впечатлением от омерзительной проповеди.

– Теперь весь день придётся коренья искать! – сетовал Фил, сердито глядя на новичка. – «Религия», «угнетённая тварь»… Безмозглый!.. Пойдёшь со мной искать, понял? Половину найденного – мне.

Судя по выражению лица, отец Гведоний был доволен сегодняшним сбором. Он с удовольствием смотрел на чавкающую и давящуюся паству. Решив отблагодарить нищесвоев за отличный урожай свойств, он достал из кармана пару действяков приличного размера.

– Братья мои! – воззвал он к толпе. – Господь щедр, и я, исполняя волю его, желаю вам сделать приятное. Что вы хотите испытать, подонки ублюдочные, радость или веселье?

– Веселье! Радость! Нет, веселье! – раздались в толпе выкрики.

За веселье шумели больше. Священник спрятал в карман радостный действяк, перетреуголил нищесвоев, поднял над головой веселье, направил на толпящихся нищесвоев и активировал его. По толпе словно прокатилась волна. На грязных лицах нищесвоев появились

улыбки. Перемазанные жижей, они начали скакать, дико гоготать и подбрасывать вверх биганчики с остатками месива. Некоторые, весело хохоча, схватывались в шутку бороться. Другие, глядя на них, катались по земле от приступов веселья. Мих, захлёбываясь от смеха, выхватил клюку у старой Лайги и сломал об колено. Харпат погнался за похотливой Найзой, награждая её весёлыми тумаками. Один из весельчаков пнул опустевший биган, желая пошутить, но тут же получил половником по лбу от мрачного смотрилы.

Зная, что бурное веселье скоро затихнет, священник дал знак смотрилам уходить. Двое подхватили опустевший биган, и вся группа – восемь смотрил и отец Гведоний – направилась к посёлку. Отвеселившийся Фил грустно смотрел им вслед.

* * *

Солнце стояло над головой и тускло светило сквозь Купол – середина дня. Кореньев на Плоске попадалось мало: более шустрые собратья-нищесвои уже успели повыдергать. То, что Фил и Герт находили, незамедлительно поедалось и моментально переваривалось. К тому же Герт не умел находить и выкапывать съестное, а Фил не умел объяснять в силу ограниченности ума. Романтик с тоской думал о спрятанном накопнике. Вот бы добавить новичку, этому дурню непонятливому, немного ума, объяснить, как следует – и, может, вышел бы из него неплохой копальщик. Из обвещи товарищи по несчастью нашли только грателистику да с пяток мятых прудеров, не до конца определённых. За это добро самый щедрый смотрила даст не больше полбиганчика еды.

Однако чуть позже друзьям повезло. Неподалёку от них рыл землю жадный Харпат. Он ковырял грунт с такой яростью, что комья летели в разные стороны. Кореньев он находил раза в три больше, чем Фил с Гертом вдвоём, и тут же с хлюпаньем пожирал их, обливаясь соком и брызгаясь. Фил успел заметить, что этот противный шустрик успел утром найти брабульницу. Правда, брабулят из неё почти весь вытек, но крышка цела. Брабульница – довольно редкая обвещь, её можно обменять у смотрил на суточную пайку, а то и полторы, если хорошо поторговаться. Ценную обвещь Харпат спрятал в мешок и отложил его в сторону, чтобы не мешал копать. Шустрик не упускал из вида добычу, поглядывая на мешок.

Неожиданно из-за кучи словохлама вышел полуживак. Мёртвого в нём было в несколько раз больше чем живого; он еле перебирал ногами. В лицо, густо усеянное трупными пятнами, смотреть страшновато. Копавшая неподалёку Найза взвизгнула и, выронив коренья, пустилась наутёк к обиталищу. За ней последовали несколько женщин. Мужчины, успевшие за полдня нажить немного смелости, выдёргивали из земли арматурины, готовясь всыпать полуживаку по первое число. Мальчишки, рывшиеся в земле наравне со взрослыми, увидев полуживака, обрадовались и начали бросать в него камнями, вопя:

– Полуживка, полутруп,
Как Харпат, вонюч и глуп!

Харпат, услышав упоминание в дразнилке о себе, немедленно возмутился и, забыв о полуживаке, бросился к мальчишкам, отчаянно ругаясь и грозя им страшными карами. Ребятишки вскарабкались на кучу словохлама и начали швырять в Харпата всем, что под руку попадётся. Тот только успевал уворачиваться от летящих в него хелехов, сипад и прочего словесного мусора. Полуживак, удивившись такому повороту событий, попятился назад и скрылся с глаз, потерявшись среди словохлама. Нищесвои, вооружённые арматуринами, моментально забыли о полуживаке и с интересом начали наблюдать, как Харпат штурмует кучу, стараясь достать обидчиков и накостылять им от души.

Пользуясь всеобщей суматохой, Фил подскочил к Харпатову мешку, моментально выудил оттуда брабульницу и сунул её за пазуху. Но занятый битвой шустрик всё же заметил кражу. Он тут же прекратил штурм кучи и, обернувшись к Филу, заорал:

– Эй ты, ублюдок! Положи брабульницу на место! Это моя обвещь!

Герт зажмурился, испугавшись, что вооружённые нищесвои набросятся на воришку Фила, а заодно навешают и ему, новичку. Но к счастью, среди нищесвоев воровство, вымогательство, грабёж и разбой не считались пороками. Поэтому остальные нищесвои лишь обрадовались новому интересному зрелищу, побросали работу и стали жадно следить за Харпатом и Филом.

– Я Миху расскажу! – орал Харпат, брызгая слюной и прыгая от ярости. – Он из твоей башки биган сделает!

Шустрик грозил страшными карами, размахивал кулаками, но приближаться к романтику побаивался. Фил знал, что Харпат слабее его, и поэтому особо не боялся. К тому же Мих вряд ли будет заступаться за шустрика, который умудрился среди белого дня прохлопать свою добычу.

– Да хоть Лепесту расскажи! – усмехнулся Фил, вынимая из-за пазухи брабульницу и перекладывая её в свой мешок.

– И про богохульство твоё расскажу отцу Гведонию! – не унимался Харпат, жадно провожая глазами обвещь. – Завтра же на проповеди расскажу!

– Мих идёт! – сообщил кто-то из нищесвоев.

Харпат запрыгал от радости и истошно завопил:

– Ну, гад, допрыгался! Сейчас Мих тебе устроит!

Предводитель не возьмёт шустрика под защиту, однако брабульницу отберёт – это факт. Поэтому романтик скомандовал Герту:

– А ну, давай за мной!

И напарники дружно рванули с Плоски. Оглянувшись, Фил увидел, как нищесвои, которые пошустрее, тоже пустились наутёк. А менее прыткие начали суетливо прятать дневную добычу, стараясь поглубже зарыть в словохлам.

3

Отбежав на безопасное расстояние, обессиленные Фил и Герт свалились прямо на землю и некоторое время не могли перевести дыхание от усталости. Отдышавшись, романтик вынул из мешка брабульницу, полюбовался на неё, побаловался крышкой и горделиво посмотрел на новичка:

– Учись, новичок, как нужно обвещь добывать! А то так и останешься неумехой!

– Я учусь, – уныло проговорил Герт. – Хотя на кой оно мне надо…

– Как «на кой»?! – возмутился Фил. – Собирать коренья ты не умеешь! Проповедь слушать – тоже! В пересущ прёшь не глядя! Есть вообще от тебя какой-нибудь прок?!

Герт грустно глянул на романтика и выдавил из себя:

– Наверное, нет.

– Вот и я про тоже. Толку от тебя как от полуживака.

Вспомнив странного человека с трупными пятнами, Герт содрогнулся. Фил это моментально заметил:

– Да не трясись ты! Обычный полуживак, через дней десять помрёт полностью. Сам таким будешь когда-нибудь.

– Можно отделаться от скачков, – вдруг чужим голосом заговорил новичок. – Плавные переходы между явлениями и состояниями. Значит, и переход от жизни к смерти тоже может быть постепенным.

У Фила полезли глаза на лоб от удивления. Он уронил от неожиданности брабульницу, и остатки ценного брабулята вылились на землю. Но он этого даже не заметил, поражённый непонятной фразой новичка.

– Ты чего это сейчас сказал? – с трудом выдавил романтик.

Герт потряс головой, похлопал глазами и проговорил:

– Не знаю. Вспомнилось что-то. В памяти застряло. А что это значит, не могу понять. Ума не хватает.

Фил вспомнил о других странных фразах и словечках, которые вечно вворачивал в свою речь новичок. До сих пор его не интересовало, кто такой этот новичок, откуда он взялся. Сейчас же от новичка повеяло загадкой, и остатки любознательности у Фила разыгрались не на шутку.

– Слушай, Герт, – обратился он к новичку. – Я думал, что ты – обычный нищесвой, только из другого обиталища. Есть тут в Отстойнике такие. Но сдаётся мне, что ты не из наших. Ты кто вообще? Смотрила обессвойственный? Священник бывший?

В ответ Герт только криво усмехнулся. Фил тоже ухмыльнулся:

– Не угадал? Хочешь сказать, что ты – из-за Купола? Наружник?

– Представь себе, – невозмутимо ответил Герт.

Романтик рассмеялся:

– Брехло ты, а не наружник! Чего так скромно? Назвался бы уж сразу Лепестом!

Если бы новичок стал спорить, с пеной у рта доказывать, что он наружник, Фил бы ему не поверил. Но оборванец пожал плечами, мол, не веришь – не надо, нагнулся и начал подбирать рассыпанные коренья. Романтик обошёл Герта со всех сторон. Не похоже, что этот оборванец его разыгрывает. Хотя, кто знает: ума у Фила сейчас недостаточно, чтобы понять, враньё это или нет.

– Что-то не похож на наружника… – с сомнением произнёс Фил, пристально рассматривая новичка.

– А ты видел наружников? – хмыкнул Герт и ехидно добавил: – Хозяин!

– Не видел, – честно признался романтик. – Но знаю, что они не такие. Они… Они…

Он бессильно защёлкал пальцами. Новичок насмешливо смотрел на него, ожидая ответа. Не дождавшись, он спросил:

– И какие они, наружники, по-твоему?

– Другие, – уверенно ответил Фил. – Может, они и не люди совсем.

– Кто это тебе сказал? Отец Гведоний, небось, наплёл?

– Ну почему сразу отец Гведоний? Все говорят…

– А ты верь больше болтунам…

Конечно, за такие слова и поведение не мешало бы как следует врезать зарвавшемуся новичку. Для шустрика он слишком дерзок с хозяином. Но слова оборванца глубоко затронули романтическую душу Фила, и он не стал распускать руки. На мечтателя повеяло неизведанным и непознанным. Ведь романтика у него даже без накопника превышает норму; смотрилы излишек не изымают. Кому нужно это бесполезное свойство, это ведь не смелость и не сила воли.

Романтик вспомнил, что священник рассказывал о Закуполье и с суеверным страхом уставился на новичка:

– Отец Гв… То есть люди говорят, что за Купол попадают только после смерти. Да и то лучшие из лучших. А оттуда вообще не возвращаются…

Герт только хмыкнул в ответ:

– Ладно, чего об этом… Пошли коренья собирать.

Прозвучало это так обыденно, что романтик успокоился. К тому же Герт совершенно не похож на выходца с того света. Более того, новичок сам побаивался смерти. Затрясся как женщина, когда полуживака увидел! Значит, сказки всё это, про Закуполье.

Фил мёртвой хваткой вцепился Герту в рукав.

– Подожди! Если ты не врёшь, расскажи, как ты сюда попал.

– Обессвойствили меня и сюда отправили… Всё потерял… – помрачнел Герт. – Вот теперь буду до конца жизни копаться в дерьме и шустрить.

– За что обессвойствили?

– Всё равно не поймёшь. Давай искать уже… Ах, извини, позабыл добавить «хозяин»!

Герт обернулся к ближайшей куче словохлама и начал сосредоточенно в ней рыться. Но видно, что это он делает только для того, чтобы уйти от неприятного разговора. Фил рассеянно ковырял землю. Он представлял себе загадочное Закуполье, где жизнь сладка и беззаботна. Где полно похлёбки, коренья растут прямо под ногами, а действяки валяются на каждой тропинке. Где смотрилы не отбирают свойств, разве что чуть-чуть, а предводители бьют не кулаками, а ладошками.

Что же нужно натворить, чтобы тебя изгнали из такого удивительного места? Ограбить второсклад? Утаить накопник? Фил вспомнил о своём тайнике. Вот бы сейчас сюда накопник! Добавить немного ума, и сразу стало бы ясно, врёт новичок или нет. Но приходилось довольствоваться тем минимумом, который имелся в наличии.

– Ты чего какой квёлый? – окликнул задумавшегося Фила бывший наружник. – Вон какой корень пропустил!..

– Расскажи о Закуполье, – попросил романтик жалобным тоном.

Герт посветлел взглядом, набрал в грудь воздуху, напрягся и замолчал.

– Ну? – поторопил его Фил.

– Никак! – прохрипел наружник. – Не могу объяснить…

– Чего объяснить?

– Всего. Ума не хватает. Помнить помню, а рассказать не могу.

Однако Филу так хотелось узнать правду, что он решил рискнуть. Хозяин и шустрик направились к тайнику, который находился возле самой стенки Купола.

* * *

Всё-таки Фил перестраховался, сообразив о риске той жалкой крохой ума, которая у него имелась. Когда до тайника осталось с пару десятков шагов, он приказал Герту остановиться, а сам отправился к спрятанному накопнику. Он рассчитывал, если новичок наябедничает на него смотрилам, а сам не будет знать, где тайник, то появится шанс отвертеться и обвинить новенького во вранье.

Когда романтик вернулся с драгоценным накопником, Герт с тоской смотрел на Купол, пытаясь что-то разглядеть сквозь мутную стену, едва не прислонившись к ней носом. Когда Фил окликнул его, новичок вздрогнул, невидящими глазами поглядел на накопник.

– Откуда он у тебя, у нищесвоя паршивого? – спросил он, приходя в себя от тяжких мыслей. – Прости, кстати, за грубость, хозяин!

– Смотрила один обронил, а я подобрал… Только смотри, никому не говори! Выдашь, кто у меня есть накопник – берегись! – пригрозил Фил. – Я тебя хоть здесь, хоть за Куполом достану!

Герт недоверчиво оглядел Фила с головы до ног и криво ухмыльнулся, видимо, не поверив в мстительность напарника.

Напарники спрятались в укромное место под нависшей железякой, где романтик обычно накачивался умом и мечтал. Фил предварительно оглядел окрестности; ни собратьев, ни патрулей смотрил поблизости не наблюдалось.

– Нам на двоих тут ума маловато, – посетовал романтик, активируя накопник. – Но хоть что-то…

Когда новичок получил свою порцию ума, он моментально преобразился. Пустые глаза превратились в глубокие и горящие. Морщины на лбу разгладились. Показалось даже, что лоб Герта стал выше, и уродливые шишки на черепе разгладились. Романтик никогда не видел со стороны, что делает ум с человеком, поэтому с любопытством наблюдал за напарником. Себе Фил добавил вторую половину ума. Подумав, он добавил себе всю романтику, которая имелась в накопнике, для того, чтобы получить самые яркие впечатления от рассказа новичка. От романтики жажда нового разгорелась в нём во стократ сильнее.

– Рассказывай скорее! – поторопил он оборванца, который с видимым удовольствием прислушивался к внутренним ощущениям.

– А что тебя интересует?

– Да всё. Как живут наружники, чем ты занимался… Вообще, что там за мир, за Куполом.

Герт немного подумал и вздохнул:

– Ума маловато у нас. Я толком рассказать не смогу, а ты понять.

– Опять маловато? У тебя, что ли, раньше больше ума было?

– Раз в двадцать больше, – ухмыльнулся новичок.

– Хорошо тебя обессвойствили! Ну, так у тебя же ум отняли, а не память. Помнить о Закуполье ты ведь должен!

Но Герт только развёл руками:

– Помнить помню. А вот объяснить суть не могу. Дал бы ты ещё умишка!

– А больше нет, – Фил для убедительности потряс накопником, в котором оставались решительность и кучка других свойств попроще. – Если я тебе свой ум отдам, то сам не смогу понять ничего.

– Больше нет! – с тоской повторил новичок. – В том-то и беда! Хватало бы ума да силы, стал бы я торчать в этой помойке! Придумал бы, как отсюда выбраться.

Он вскарабкался на железный лист и с отчаянием наподдал ногой полупрозрачный Купол, как будто хотел пробить его и выбраться наружу.

– Хочешь знать, что там, за Куполом? – с яростью обернулся Герт к Филу. – Хорошо, я расскажу тебе! Там настоящая жизнь, Фил, а не существование. Там никто не копается в словохламе. Там люди добрые и умные. Там есть творильни с выдумницами, приставниками и аналогизаторами. И ошибочники… Фантобы, сглажники, скрепилы… А буквальники какие, видел бы ты! А словогены!

Опешивший от такого количества новых слов, романтик залез на лист и попытался оттащить Герта от Купола:

– Не ори ты так, смотрилы услышат!

– Пусть слышат! Что они смогут сделать со мной! Я и так всё потерял! Что у меня можно забрать? Остатки ума? Так его и так капелька осталась!

– Это не самое страшное, – заверил Фил. – А вот привяза гораздо страшнее. Возьмут тебя и привяжут в качестве свойства, скажем…

Он указал на торчащее неподалёку чахлое деревце с кривым стволом.

– …Скажем, к этому дереву. И будешь ты… как бы сказать… свойством, «гертовостью» этого дерева до скончания веков. А это очень скучно.

Герт перевёл взгляд с Купола на дерево и несколько приутих. Фил, видя успокоившегося новичка, расслабился, но, оказалось, зря. Оборванец неожиданно выхватил накопник у зазевавшегося романтика и мгновенно нагрузил себя всей решительностью, которая там имелась. Взгляд его превратился из горящего в стальной, на лбу проявились волевые вертикальные складки, а челюсть заквадратилась.

– Врёшь! – не понятно к кому обратился Герт, глядя на Купол, сжав губы в тонкую нить. – Я всё равно вернусь. Ох, и отомщу я вам всем! Всё Закуполье на уши поставлю! Есть у меня там друзья, с которыми мы весь гнилой закупольский мирок перевернём!

– Ты же только рассказывал, как там хорошо, – засомневался романтик. – Словогены какие-то, приставники… А теперь говоришь, что Закуполье – гнилой мирок.

– Долго объяснять, Фил. Ум у тебя есть, но его недостаточно. Не поймёшь проблему.

– Какие могут быть там проблемы! – Филу очень не хотелось расставаться со сказочной мечтой в счастливую закупольную жизнь. – Еды там хватает?

– Хватает, – приподнял брови Герт, с удивлением глядя на романтика. – А почему тебя это интересует?..

– Жильё?

– В общем-то проблем нет…

– А действяки есть?

– Есть. Только…

– А навычки?

– И навычки… – Было видно, что Герт не успевает уловить мысль Фила.

– Тогда я вижу, что ты, брат, просто зажрался! – подытожил романтик. – Есть, где жить, чем питаться, действяки… Что ещё надо для счастливой жизни?

Лицо Герта потемнело от гнева:

– Примитивное ты существо, Фил! Тебе бы только брюхо набить! Есть же и другие потребности.

– Одежда?

Новичок с досадой отмахнулся от примитивного существа:

– Я не могу на таком уровне вести беседу, – рассердился он. – Давай закончим пустой трёп. Тем более, что мне надо придумать, как выбраться отсюда.

Фил хотел ему возразить, что через Купол на ту сторону не перебирался ещё ни один нищесвой, но Герт так решительно зыркнул на него, что романтик прикусил язык. С тоской посмотрев на изрядно потощавший накопник, Фил посетовал на собственную недалёкость. С такой решимостью Герт, пожалуй, наворотит дел. И сам попадётся, и его, Фила, за собой потянет.

А ставшему решительным новичку вдруг пришла в голову новая мысль:

– Хочешь со мной туда? – предложил Герт, кивнув в сторону Купола.

– Куда? – испугался романтик. – За Купол?

– Естественно! Будешь там моим персональным шустриком, – хохотнул новичок.

Фил отрицательно помотал головой. Не из-за шуточного предложения стать закупольским шустриком, а из-за самой безумной идеи перебраться на ту сторону Купола. Соглашаться с этим ненормальным выше сил. О Лепест, что решительность делает с человеком!

– Не хочешь, оставайся здесь! – разрешил Герт, видя замешательство романтика. – Сиди в этой помойке до конца дней. Пей брагу, собирай хлам, ешь варёные помои. А, может, повезёт, так смотрилой станешь. Это же так здорово – смотрила на помойке! Верх карьеры!

Что такое «карьера», романтик не понял, но иронию уловил. Новичок всем своим видом демонстрировал такую твердость духа, что хотелось ему доверять. Как-никак триста своев решительности…

– Ты наружу собрался попасть? – дрожащим голосом спросил Фил сумасшедшего. – А как?

Герт не ответил. Он подобрался, нахмурился и осторожно пошёл в сторону посёлка смотрил. Фил безвольно поплёлся за ним. Не то, чтобы он поверил этому ненормальному, а просто жалко ума и решительности, которые он так неосторожно отдал безумцу.

* * *

Друзья, пригибаясь, с трудом вскарабкались на высокий холм из словохлама и спрятались в коробе хорошо определённого эскуламора («в кабине», объяснил шёпотом Герт). Отсюда хорошо просматривался почти весь посёлок; ворота высились шагах в пятидесяти от друзей. Приходилось говорить шёпотом, потому как перед воротами расхаживал смотрила (новичок назвал его «часовым»), вооружённый явломётом. Вряд ли он мог их услышать, но осторожность есть осторожность.

Мужчин в смотрильском посёлке наблюдалось мало: середина дня, мужское население занято патрулированием окрестностей, а женщины погружены в домашние хлопоты. На улочках между коробами для жилья («домами» по словам Герта) играли смотрильские дети в укороченных оранжевых курточках.

– Подождать придётся немного, – прошептал новичок, напряжённо оглядывая посёлок. – Не время ещё…

«Немного» растянулось надолго, а сидеть в неудобной кабине тесно. У Фила постоянно затекали ноги, а в бок упирались железные стержни, которыми утыкана вся кабина. Решительный Герт, казалось, не замечал неудобств. Он лишь успевал подталкивать романтика, видя, как очередной патруль возвращается в посёлок, и друзья пригибались к полу кабины. Улицы посёлка постепенно наполнялись оранжевыми смотрилами, которые неспешно расхаживали, поглядывали на солнце и потряхивали толстыми накопниками.

– Чего это они собираются? – шепнул Фил.

– Ждут, – дал Герт исчерпывающий ответ. – Скоро начнётся.

– Чего начнётся-то?

Оборванец не ответил, а только указал квадратным подбородком на посёлок. Там началось какое-то оживление. Появился огромного роста смотрила, явный главарь, и начал орать на остальных. Смотрилы выстроились в шеренгу напротив самого высокого дома в посёлке и вынули накопники. Главарь подошёл к дому, заглянул в проём и что-то прорычал.

Смотрилы засуетились и, отталкивая друг друга, заспешили к проёму дома, вынимая на ходу накопники. По одному заходили они в узкий проём, исчезали в темноте дома, затем выскакивали обратно. Главарь останавливал каждого выходящего и пристально вглядывался в его накопник. Даже с такого расстояния видно, что накопники у выходящих были опустевшие.

– Что это, а? Герт? – раз за разом спрашивал Фил, теребя товарища за рукав. – Чего это они, а?

После десятого раза Герт не выдержал и зашипел:

– Тебе что, ума не хватает самому догадаться? Это второсклад. Перевалочный.

– Что такое «перевалочный»?

– Скоро узнаешь, – пообещал новичок.

4

Фил удивлённо уставился на высокий дом в центре посёлка. О второскладе он слышал от отца Гведония в притче о Хабидоське. Теперь ему повезло увидеть это загадочное сооружение своими глазами. Романтик внимательно осмотрел высокий дом, в котором хранилось огромное количество свойств. Вот бы украсть оттуда немного силы, и никакой Мих не страшен!

Новичок же напряжённо глядел, как громила вырвал у одного из выходящих накопник, несколько раз ударил его в зубы и отшвырнул в сторону.

– Зачем это? – прошептал еле слышно Фил, как будто главный смотрила мог его оттуда услышать.

– Утаить себе хотел немного, – рассеянно шепнул Герт, пристально глядя на суетящихся смотрил и думая о чём-то своём. – Разве не понятно?

– Взял бы в себя эти свойства. Зачем в накопник-то прятать? Вот дурак!

– Иди у него и спроси! – шёпотом рассердился новичок. – По-моему, он не глупее тебя!

Фил замолчал. Его изголодавшийся по уму мозг одолевали одна мысль за другой. Одна из мыслей оказалась настолько поражающей, что он даже зажмурился от такой догадки. Раньше при катастрофической нехватке ума он не задумывался об этом.

– Герт, только не ругайся! Это ведь наши свойства они прячут?

Новичок снисходительно поглядел на Фила:

– Надо же, какой догадливый! Ну, а чьи же ещё!

– Которые на проповеди отнимают?

Герт мог и не отвечать: и так всё ясно. Пока жуликоватый отец Гведоний читает очередную проповедь, смотрилы шныряют по толпе с накопниками и высасывают полезные свойства. И вот сейчас они добытое несут и вываливают на второсклад.

– Догадался, зачем они это делают? – опередил вопрос романтика новичок. – Чтобы нищесвой не стал умнее или добрее. Чтобы у него хорошие свойства находились в пределах нормы, по минимуму. А на второсклад они тащат изъятые излишки. Всё просто!

– Так вот зачем их патрули ходят с унимерами! – чуть не заорал Фил.

Смотрилы измеряют свойства попавшихся на глаза нищесвоев, чтобы не дай Лепест те не стали смелее, мужественнее или смекалистее чем положено по норме. А если кто вдруг и поумнел немного за день, то тут же в ход пускается накопник, высасывающий этот излишние ум и мужество. А всё накопленное за ночь изымается на проповеди. Фил, конечно, замечал это и раньше, но не задумывался из-за недостатка ума.

– Теперь ты понял, почему нищесвои жадные, трусливые и подлые? – невесело усмехнулся Герт. – Их обирают и патрули, и отец Гведоний.

Он мог бы не объяснять. Настроение Фила стало совсем не романтическим. Ему хотелось броситься в посёлок смотрил и начать бить отвратительных типов, открыто ворующих у убогих нищесвоев доброту, порядочность, гордость и заботливость. Но это только мечты – любой смотрила может играючи справиться с двумя десятками нищесвоев и при этом даже одышки не появится.

Выгрузившие добычу смотрилы разошлись по своим делам: кто в патруль отправился, кто домой. Улицы опустели, даже дети разбежались. Один лишь главарь продолжал вышагивать вдоль высокого дома, поглядывая в сторону Купола. Герт же продолжал заворожено смотреть на второсклад. А что толку на него глазеть, к нему ведь не подберёшься. Напарники вдвоём даже одного часового скрутить не смогут.

– Ну? – шёпотом поторопил Фил Герта. – Долго мы будем ещё сидеть?

– Сейчас ещё кое-что увидишь, – пообещал оборванец. – Поинтереснее…

Фил только горько усмехнулся. Толку от просиживания в кабине нет ни малейшего, лишь душу себе растравливать. Романтик думал, что у решительного Герта созрел план, как выбраться за Купол, из-за чего они и сидят в этой кабине. Но, как оказалось, никакого плана нет.

* * *

Главарь смотрил вдруг остановился и поднял вверх руку. И тут произошло такое, отчего Фил вдруг подскочил, и кабина эскуламора закачалась. А отважный и решительный Герт вдруг мужественно всхлипнул и сжал кулаки. Скупая мужская слеза скатилась с квадратного подбородка.

Дальним концом посёлок упирался в стену Купола. Сейчас эта стена разверзлась, в ней образовался проём, из которого хлынул яркий свет. Сияние было настолько сильным, что разглядеть в проём кусочек Закуполья не представлялось возможным.

– Всеблагой Лепест, я вижу царствие твоё! – забормотал Фил, судорожно треуголясь, хотя яркий свет не давал ему вообще что-либо увидеть. – Дай милость лицезреть тебя, но не дай ослепнуть от созерцания…

– Заткнись, фанатик! – неожиданно грубо шепнул новичок, смахнув скупую слезу с подбородка. – Смотри лучше…

Но ума у Фила имелось всё же недостаточно, чтобы заглушить набожность. Увидев внезапно возникшие две человеческие высокие фигуры в проёме Купола, он пуще прежнего затреуголился обеими руками и, забыв о часовом, возопил:

– Это вестники Лепеста! С чем явились вы к нам, слуги господни?! Не на тот ли свет отвести раба дрожащего?! Прости, господи, несмышлёного раба твоего!

Герт бросился на романтика, повалил его на дно кабины и навалился сверху:

– Молчи, сектант! Часовой услышит!

Фил начал трепыхаться, пытаясь сбросить новичка и лицезреть вестников Лепестовых, но тот держал крепко. На их счастье часовой не услышал возни в полусотне шагов от себя, поскольку сам был упоён чудесным зрелищем. Один из вестников ответно поднял вверх правую руку. Главарь смотрил помахал ему и что-то изобразил на пальцах поднятой руки. Второй вестник кивнул в ответ. Из проёма в Куполе показался светящийся цилиндр, начавший быстро расти в сторону второсклада. Он с чмоканьем уперся в стену высокого дома, которая из кабины совершенно не видна.

– Ну, пошло дело, – шепнул Герт, отпуская Фила.

– Какое дело? – спросил романтик, осторожно поднимаясь и отряхиваясь.

Увидев вестников снова, он задрожал и хотел опять воззвать к ним, но новичок раздражённо лягнул его.

– Хватит молиться! Не заберут они тебя с собой на тот свет. Хотя было бы неплохо.

Цилиндр сотрясся и засветился изнутри.

– Начали! – скомандовал вестникам главарь.

Они одновременно кивнули в ответ. Цилиндр трясся довольно долго, потом хлюпко отцепился от стены и начал стремительно удаляться в сторону проёма. Когда он исчез, вслед за ним растворились в ярком свете и вестники. Фил хотел рвануть в посёлок, добежать до проёма и умолить слуг Лепестовых взять его с собой, но Герт, уловив перемену в настроении напарника, выкрутил ему руку за спину и упёрся коленом меж лопаток. Романтик в приступе религиозного фанатизма, не чувствуя боли, вывернулся из болезненного захвата и ответно схватил новичка за грудки, чтобы врезать безбожнику от всей души, а потом поспешить к вестникам Лепеста, пока они не скрылись за стенкой Купола.

Пока напарники боролись, проём в Куполе затянулся, и божественное сияние исчезло. Фил немедленно разрыдался. Герт схватил его за шиворот и выволок из кабины. Стараясь не создавать шум, он стащил упирающегося романтика с кучи словохлама.

– Чуть всё не испортил, фанатик безмозглый! – ворчал он, пихая Фила впереди себя в сторону тайника. – Попробуй только завопи, сволочь, я из тебя дух в момент вышибу! Решительности мне на это хватит, уж поверь!

* * *

Когда они добрались до тайника Фила и уселись под нависшим листом железа, новичок перевёл дух. Теперь можно было говорить в полный голос, и он немедленно накинулся на романтика:

– Ты что устроил, недоумок? Ты на что себе столько ума натолкал? Чтобы треуголиться и молитвы бормотать?!

– Так вестники же господни, вестники! – не очень внятно объяснил Фил, постепенно отходя от религиозного дурмана.

– Тоже мне вестники! – презрительно хмыкнул Герт. – Это обычные наружники, грузчики с центрального второсклада, который с той стороны стоит.

Фил, конечно, не понял, кто такие «грузчики» и что такое «центральный», и немедленно спросил:

– Что они делали, эти «грузчики»?

– Грузили, что же ещё! – нехотя отозвался Герт, погружаясь в свои богохульные мысли.

– Что грузили? – продолжал наседать Фил.

– Вторичку перегружали, слепой что ли! Не знаешь, что такое вторичка? Это свойства, действяки, навычки и…

– Лепесту?

– Что ты сказал?

– Я говорю, Лепесту эти свойства отправляются? – уточнил Фил, которому сам вопрос показался нелепым.

Герт закатил глаза и вздохнул:

– Лепесту, Лепесту!..

Но романтик продолжал приставать:

– Нам ведь отец Гведоний говорит на каждой проповеди, что наши свойства нужны господу. А Лепест обитает за Куполом. Значит…

– Значит, считай, что ваши идиотские свойства утекают к нему, – закончил мысль Герт. – Чем ты недоволен?

– Зачем ему наши свойства? Он ведь и так бесконечно добр и умён.

– «За то, что господь наш Лепест кормит, одевает и согревает нас, мы отдаём ему лучшее, что у нас есть», – процитировал новичок Либру. – Ты можешь что-то лучше свойств предложить? Корешки с Плоски? Полбиганчика жратвы недоеденной? Или свои обноски?

Герт брезгливо указал на потрёпанную одежду Фила. Не услышав возражений, он удовлетворённо кивнул:

– Вот именно, ничего больше у тебя нет.

– Зачем же господь обирает нас? – подавленно вымолвил романтик, сам изумляясь своему вольнодумию. – Зачем ему наши жалкие свойственные крохи? Неужто ему нужны свойства грязных негодных нищесвоев?

– Свойства не пахнут, – глубокомысленно произнёс новичок. – К тому же если они у кого-то убывают, то, соответственно, должны у кого-то прибавляться. Закон сохранения свойств. Слышал про такой?

– Господь обирает нищесвоев… – не слушая собеседника, шептал Фил.

– Да причём здесь господь! – рассердился Герт.

– А кто тогда?

– Долго объяснять. Вот переберёмся за Купол, сам всё увидишь. Я тебе не собираюсь читать лекции по политэкономии.

* * *

Почему Фил раньше не задумывался, куда уходят его свойства? Наверное, не хватало умного собеседника. А может в те недолгие минуты, когда он накачивался умом, добавленная романтика мешала аналитике и трезвому рассудку. Теперь ему представились доброта, нежность, жизнерадостность и храбрость, отнятые у нищесвоев и уходящие по светящемуся

каналу за Купол. И всеблагой Лепест, сидящий на троне, жадно заглатывает их, как съедобную бурду из бигана, и становится всё добрее и добрее, храбрее и храбрее, умнее и умнее за счёт несчастных нищесвоев. Может, и наружникам что-то перепадает, всё-таки они ближе к трону господнему.

Заметив подавленное настроение романтика, Герт встревожено глянул на него и, придвинувшись, доверительно зашептал:

– Ну, ты чего раскис? Всё нормально будет, у меня план созрел, как улизнуть за Купол. Жаль у тебя в накопнике ум не тот. У тебя комплексный, а нам специализированный нужен – хитрость.

– Зачем выбираться? – уныло пробормотал Фил. – Я не хочу к Лепесту, раз он такой… Такой…

– Э, брат! Слышал бы тебя отец Гведоний! – рассмеялся Герт. – Он бы мигом тебя абстрагировал за такую крамолу.

Потом, посерьёзнев, новичок проникновенно заговорил:

– Ты всё немного не так понимаешь, Фил. Я же говорю, что объяснять долго, лучше самому посмотреть. Выберемся, сам поймёшь и увидишь, что всё не так ужасно, как тебе представляется. Не всю же жизнь тебе прозябать на этой помойке!

Фил не стал спорить. Может, Герт и прав, он жил в Закуполье, больше видел, больше знает. Может, в самом деле, романтик что-то недопонимает. Что он видел в этой жизни? Дальше Ржавого Озера и не заходил. Посмотреть другой мир, конечно, стоит. Только с одной решимостью Герта отсюда не выбраться. Новичок, словно угадав мысли романтика, быстро оглянувшись, зашептал:

– Нам с тобой нужно обчистить второсклад. Смотрильский, конечно. Наберём свойств получше, накачаемся ими. Самые отборные возьмём. А с таким количеством свойств я не то, что из Отстойника, с того света кого угодно вытащу!

Хоть Фил и пребывал в подавленном настроении, но счёл нужным осадить самоуверенного новичка.

– Как ты собрался опустошить второсклад? Вон на воротах какая рожа стоит. С явломётом! Думаешь справиться с ним? Да он тебя одним мизинцем! И другие тут же подскочат на шум…

– Идиот! Переодеться надо в смотрил и в посёлок пробраться!

– А где ты их форму достанешь?

Романтик с сомнением поглядел на драный балахон новичка, который на оранжевую форму смотрил не походил совершенно. Но Герт самоуверенно улыбнулся.

– С патрульных снимем.

– Ага, давай иди, снимай! Да тебя самый чахлый патрульный одной левой…

Новичок сморщился:

– Дослушай хоть раз до конца! Мы ловушку сделаем. Яму. Завалим сверху всяким мусором или словохламом. Патрульные пойдут мимо, наступят, провалятся, и мы их сверху камнями… – Герт кровожадно оскалился.

Романтик лишь кисло улыбнулся:

– Камнями! Да для этих громил твой камень – что укус мухокомара! Да и если переоденешься ты, в тебе ж за сто шагов нищесвоя видно! Посмотри у них какие рожи и фигуры, и с нашими сравни…

Он с отвращением оглядел своё тщедушное тело. Худобу и врождённую сутулость не скроет смотрильская форма. Герт тоже оглядел себя, помрачнел и засопел, но спустя мгновение опять оживился.

– Силу мы достанем!

– У кого? У Лепеста выпросим? – Фил, сам того не замечая, сбогохульничал. – Он добрый, у него же её много. Со всех нищесвоев…

– Перестань паясничать! У твоих собратьев возьмём. Накопник у нас есть. Вернёмся в обиталище, и помаленьку, потихоньку, с каждого…

Фил зло рассмеялся в ответ:

– «Помаленьку», «потихоньку»… На это, знаешь, сколько времени уйдёт! Всю ночь надо будет работать. А утром явятся смотрилы, увидят, что у паствы сил мало, начнут проверять, куда она подевалась. И все на нас сразу покажут. Ты что, нищесвоев не знаешь?

– Ну и что? Мы ведь уже сильными будем. Справимся с отцом Гведонием и его сподручными.

– Сомневаюсь. Не хватит собранной силы.

– Не хватит? – поднял брови Герт. – Силы всего посёлка не хватит, чтобы совладать с несколькими смотрилами?!

– Думаешь, у нищесвоев много силы за день нарастает? Ну, с двумя-тремя смотрилами каждый из нас, пожалуй, справится, если с каждого нищесвоя возьмём понемногу. Но с отцом Гведонием обычно восемь сподручных бывает. Да они ещё и тревогу поднимут, весь их посёлок примчится на помощь.

Но мысль у Герта били ключом несмотря на небольшое количество ума:

– Тогда абстры!

– Что «абстры»?

– Я говорю, абстры нам помогут! Какой ты непонятливый! – раздражённо выпалил новичок. – Ум что ли выронил, пока Лепесту молился?

– Абстры?! Причём тут абстры?

– Абстры нам подсобят с силой!

– Как?! – выпучил глаза Фил.

– Увидишь!

* * *

Герт в своём обыкновении не стал объяснять, а только вскочил и жестом пригласил следовать за собой в сторону Ржавого Озера. Подавленный сегодняшними событиями Фил не стал возражать и интересоваться. Друзья предварительно убрали ум и решительность в накопник на случай столкновения с патрулём. Накопник Фил спрятал в складках своего балахона.

Идти пришлось довольно долго. Непривычный к таким переходам обезрешительный Герт постоянно ударялся о твёрдые железные прутья и определённые хелехи, в изобилии торчащие на берегу озера. Каждый раз, ударившись, он расстраивался, садился на землю и начинал плакать навзрыд. Филу приходилось пинками поднимать его и заставлять идти дальше, хотя он и сам изрядно устал. Ладно хоть догадался спрятать мешок с обвещью, чтобы не тащить лишнюю тяжесть. Рыдания Герта настолько злили, что хотелось достать накопник и снова вкачать ему всю решительность, лишь бы не слышать эти стенания. Но лучше не нарываться: вдруг смотрилы встретятся по пути, замеряют, увидят решительность выше нормы и тогда конец. Накопник отберут, а несостоявшиеся грабители отправятся за Ржавое Озеро уже навсегда в качестве абстров.

Когда они обогнули ржавую лужу, романтик увидел впереди полуматериальные очертания ограды абстровой обители. Его пробила потусторонняя дрожь. Он пожалел, что пошёл за одержимым новичком; в эти проклятые места не суются ни нищесвои, ни смотрилы, ни сам отец Гведоний.

Неизвестно, почему нищесвои и другие обитатели Отстойника так боялись абстров. Самое интересное, что никто никогда не говорил, чем же они так страшны или опасны. С точки

зрения Фила даже плевачка гораздо опаснее чем абстры. Одно время он даже думал, что абстров не существует, мало ли баек рассказывают старики вечерами. Однако какое-то подсознательное чувство заставило его сейчас дрожать и бояться непонятно чего. Страх был похож на детскую боязнь темноты, когда объяснить не можешь, почему ты её боишься, а ужас всё равно разбирает.

5

До ворот обители оставалось ещё около сотни шагов. Герт, не спрашиваясь, сунул руку в широкую складку балахона романтика и выудил накопник. Одним махом он закачал в себя весь ум и всю решительность, не тронув, разумеется, бесполезную романтику.

– Эй, эй! А мне? – возмутился Фил, опешив от такой наглости и даже забыв о потустороннем страхе.

– Да верну я тебе твой ум, не трясись! – отмахнулся от него Герт, как от надоедливого мухокомара.

– А что ты собираешься делать, – поинтересовался Фил, который так до сих пор и не понял замысла новенького, – с такой кучей ума?

– Ты без ума всё равно не уяснишь, – отмахнулся Герт. – Потом расскажу, как вернусь. Мне ещё твой накопник понадобится.

И он бодро со всей приобретённой решимостью, размахивая накопником, направился к воротам. Романтик испугался, что он видит свой накопник последний раз. Хорошо бы догнать новичка и вернуть его назад, но подходить к воротам опасной абстрактной обители не хотелось.

– Я не пойду туда! – задрожал Фил, увидев манёвры новичка. – Уж лучше к смотрилам, чем к абстрам!

– Ладно, сиди здесь и наблюдай, – снисходительно разрешил Герт. – Свистнешь, если что.

Фил обрадовано скрылся за сухим кустом и стал наблюдать, готовый в любую минуту дать стрекача. Лепест с ним, с накопником, пропадёт так пропадёт. Лишь бы самому живым остаться. Романтику из кустов хорошо видно, как его напарник, стараясь не делать резких движений, подошёл к абстрактным воротам. Возле последних немедленно замаячили призраки: какие-то мутные фантомы неприятного вида. Вернее, не неприятного, а никакого вида. Просто никакого. Они были настолько никакими, что даже описать словами их затруднительно. Как любого глупого человека, Фила затрясло от столкновения с неизвестным и непонятным. Но, невероятными усилиями минимума воли, которая у него в норме, он заставил себя сидеть и наблюдать.

К Герту приблизился один из призраков с туманным никаким лицом без единой характерной черты. Остаток ума подсказал Филу, что это и есть один из страшных и загадочных абстров. В абстрактных чертах призрака почему-то угадывалась бдительность. Нищесвой услышал, как фантом спросил бесцветным голосом у Герта:

– Ты зачем пришёл сюда, конкрет?

Новичок стоял спиной к Филу, поэтому романтик не услышал ни слова из долгого объяснения Герта. Абстрактное лицо призрака не выражало никаких эмоций, поэтому понять, что ему говорят, было трудно. Терпеливо дослушав Герта до конца, абстр отреагировал:

– Я – Бдительный Человек. Тебе же нужно поговорить с Сильным Человеком.

Новичок, показывая на накопник, начал снова что-то доказывать Бдительному Человеку. Тот, кивнув, ушёл. Вернулся он довольно быстро, ведя за собой другого абстра с таким же никаким полуматериальным лицом. Пришедший был заметно выше Бдительного Человека и шире в плечах. От него даже на расстоянии веяло силой. Герт развернулся вполоборота, и Филу стал слышен их разговор.

– Мне нужна твоя сила, Сильный Человек, – витиевато обратился новичок к подошедшему.

– Я не могу отдать тебе всю силу, конкрет, – ответил Сильный Человек, выдержав паузу. – Иначе я стану просто Человеком, а не Сильным Человеком. Я не хочу ещё больше абстрагироваться.

– Мне нужна половина твоей силы, Сильный Человек, – мягко ответил Герт. – Я хочу с тобой меняться. Я дам тебе пятьсот своев романтики. Ты будешь Не Очень Сильным Романтичным Человеком и немного приблизишься к нам, конкретам.

– Сколько тебе нужно силы, конкрет? – совершенно без эмоций спросил Сильный Человек.

– Пять килосвоев. По текущему курсу, – опять ввернул непонятные термины Герт. – Десять своев силы за один свой романтики.

– Сдаётся мне, что этот конкрет хочет тебя обмануть, Сильный Человек, потому что десять больше чем один, – вмешался в разговор Бдительный человек. – Конкретам нельзя верить, у них есть хитрость и коварство. Надо быть бдительным и позвать сюда Сообразительного Человека. А пока пусть Существа поохраняют конкрета.

Бдительный человек свистнул. К воротам сбежались невероятно абстрактные существа. Просто существа, вообще без отличительных признаков. Единственное, что разглядел Фил, они были живыми. Черты их настолько абстрактны, что нельзя было увидеть, есть ли у них крылья, хвосты, жабры, клешни или вообще какие-либо конечности.

– Не нужно Сообразительного Человека, брат абстр, – отреагировал наконец тугодум Сильный Человек. – С романтикой я стану немного конкретнее. И это будет хорошо. Я согласен, конкрет.

Герт, сдержав торжествующую улыбку, поколдовал с накопником. Фил ощутил, что от Сильного Человека силой стало веять заметно меньше, ростом он уменьшился, в плечах сузился, зато в абстрактных глазах засияли романтические искорки.

– Непередаваемые ощущения, – так же монотонно проговорил теперь уже Не Очень Сильный Романтичный Человек, получив свои пятьсот своев романтики. – Я стал конкретнее. Быть может когда-нибудь я стану настоящим конкретом.

– Обязательно станешь, – пообещал ушлый новичок, аккуратно пятясь назад, стараясь не задеть окружающих существ. – Собачек своих только отгони.

– Это не Собаки, это Существа, – поправил Бдительный человек, но существ всё же прогнал.

Оба абстра пристально следили за отступавшим новичком. Герт поравнялся с Филом, толкнул нищесвоя в плечо и рявкнул:

– Бежим!

* * *

Напарники шустро рванули от неприятного места назад к Ржавому Озеру. Герт по-прежнему запинался о ржавые железные прутья, но закачанная решительность теперь не давала ему сесть и расплакаться. Он только шипел сквозь зубы от боли. Фил, стараясь не задыхаться, бежал за ним следом.

Добежав до берега озера, беглецы спрятались в железных кустах. Герт достал накопник.

– Силой мы обеспечены! – порадовался он, глядя на накопник. – По два с половиной килосвоя на брата.

– А зачем нам столько силы? Лучше бы хитрости выменял побольше. Ну или смекалки…

Оборванец недовольно скривился:

– Я уж думал об этом. Но с хитростью мы не замаскируемся под смотрил. А, значит, и в посёлок к ним не проберёмся. Да и попробуй вымани хитрость у Хитрого Человека.

– Взял бы напополам силу с хитростью, – продолжил упорствовать романтик.

– Не ворчи! – огрызнулся новичок. – В следующий раз тебя отправлю, раз ты такой умный.

– Ты романтику мою променял! – насупился Фил, не в силах сдержать катящиеся слёзы обиды. – Романтику! Как я теперь мечтать буду?

– Зачем тебе сейчас мечтать, дурень! – попытался переубедить новичок обидчивого нищесвоя. – Мы с тобой действовать будем, а не мечтать. У тебя теперь силы будет больше чем у главаря смотрил! Мы захватим второсклад, и ты оттуда возьмёшь себе романтики хоть гигасвой! Умечтаешься!

Напарники быстро разделили силу. Фил ощутил, как мышцы стали упругими и налились мощью; даже балахон затрещал. Плечи развернулись, грудная клетка расправилась, а дряблый живот поджался и затвердел кубиками пресса. Романтик почувствовал себя способным справиться по меньшей мере с полдесятком смотрил. Не поверив своим ощущениям, он вырвал из земли вросший ржавый прут толщиной с руку и легко завязал его узлом.

Герт самодовольно посмотрел на друга.

– Ага, силушку почуял? – улыбнулся он, следя за действиями Фила.

– Уверенность в себе ещё появилась, – с удивлением заметил тот, развернув грудную клетку. – Ты ведь вроде её не выменивал?

– Побочный эффект, всё нормально, – заверил Герт, выгрузив половину ума и протягивая накопник Филу. – Чистых свойств ведь не бывает, разве что у абстров. А у нас, «конкретов», всё взаимосвязано. Добавишь силы, появляется немного уверенности в себе и мужественности. Добавишь выносливости, появляется воля к победе. Добавишь доброты, появляется альтруизм. Многие свойства друг с другом перевязаны, есть даже теория всеобщей связи свойств…

– Кстати, как ты додумался выменять силу у абстров? – произнёс Фил, принимая накопник и глядя с уважением на новичка. – Ума у тебя вроде не так много…

– Нетрудно догадаться. Чем абстрактное от конкретного отличается? У абстрактного конечное число свойств, а у конкретного бесконечное. И абстрам очень хочется стать конкретными. Не Человеком, Существом или Силачом, а настоящим конкретным человеком с уникальным бесконечным набором параметров… Ты ум, кстати, проглотил? А то кому я рассказываю…

Фил поспешно загрузил в себя остатки ума из накопника, но всё равно толком не понял, о чём болтал новичок.

– У абстров считается, чем больше разных свойств, тем лучше, – болтал довольный собой Герт. – Я дал Сильному человеку твою романтику. Значит, он на одну махонькую ступенечку приблизился к конкретам. Так эти недоматериальные уродцы нас называют. Выгодно для него? Выгодно! И нам выгодно.

Герту, видимо, стоило больших нервных усилий общение с абстрами, которых побаивались по непонятным причинам все обитатели Отстойника. Поэтому сейчас, когда опасность миновала, он трещал не умолкая:

– У абстров есть иерархия. Чем разнообразнее свойства у абстра, тем выше он по социальной лестнице. На предпоследней ступени у них – Нечто. Это такие абстры, у которых только одна особенность – то, что они есть, существуют.

– А на последней ступени кто? – спросил Фил только чтобы спросить, не понимая и половины речи Герта.

– На последней ступени есть такие твари – Ни То Ни Сё называются. Насчёт них даже непонятно, есть ли они вообще или нет. То ли существуют, то ли не существуют…

Романтику надоела болтовня новичка, и он прервал его разглагольствования:

– Отдохнул? Выговорился? Пошли тогда дальше. Патрульных будем искать, жертв. А то скоро ночь, крысоволки повылазят.

– Да что нам теперь крысоволки! – самонадеянно ответил Герт, для проверки силы схватив огромный валун и с шумом швырнув его далеко в озеро. – Мы с любой стаей справимся.

В этом Фил сильно сомневался:

– Если бы ты ловкости ещё раздобыл, тогда, может, и справились бы. А так они на нас скопом набросятся, и пиши пропал.

* * *

Неизвестно, сколько времени друзья бы препирались на берегу Ржавого Озера, но сильный всплеск брошенного в воду валуна привлёк патруль. Смотрилы находились довольно далеко и к озеру подходить явно не собирались, но шум им показался подозрительным. Бдительные патрульные решили проверить источник этого шума.

Двое смотрил-патрульных в обычной оранжевой униформе появились так неожиданно, что Фил оцепенел на месте. При виде патруля он моментально позабыл о своей богатырской силушке. На помужественевшем от силы лице романтика появилась привычная угодливая улыбка. Он машинально ссутулился и захихикал.

– Что вы тут шумите, сволочи? – спросил один из патрульных, ленивой походкой двигаясь к друзьям, на ходу доставая унимер.

Он небрежно направил устройство в сторону Фила. Унимер немедленно замигал красным и заверещал на всю округу. Смотрила тут же встрепенулся.

– Лепеста мать! – грязно выругался он, отскакивая назад и сдёргивая с плеча явломёт. – На землю оба! Быстро! Руки за голову!

Фил и Герт послушно упали и приняли рекомендуемую позу. Пока первый смотрила держал их под прицелом, второй вынул накопник, подошёл к Филу и одним махом перекачал себе всю его силу, прихватив даже необходимый минимум. Романтик ощутил, словно огромная тяжесть навалилась на него. На руки и на ноги словно положили по тяжеленному мешку с обвещью, даже пошевелиться невозможно.

Но к счастью Герт обладал всей решительностью, позаимствованной из накопника романтика. Новичок вдруг резко вскочил. Будь у него опыт подобных переделок, он бы в первую очередь бросился на вооружённого противника. Но неопытный Герт кинулся ко второму, вышиб у него из рук накопник и сильным ударом кулака отбросил его шагов на десять в сторону. У первого чуть глаза на лоб не вылезли, когда он увидел великолепный полёт своего напарника. Моментально придя в себя, первый смотрила взял на мушку Герта и выстрелил. Чудовищной силы снежный вихрь обрушился на новичка. Но силы, добытой у абстров, хватило на то, чтобы, согнувшись, прорваться сквозь буран и отправить патрульного вслед за напарником отличным ударом в челюсть.

Буран скоро затих. Герт откопал из сугроба обессилевшего Фила, отволок его поближе к озеру и побрызгал в лицо ржавой водичкой.

– Что ты брызгаешь, я же в сознании! – проворчал Фил, стараясь подняться на ноги, которые совершенно его не слушались.

– Не ворчи, дружище! – улыбнулся Герт. – У нас теперь полно трофеев!

Что такое «трофеи», Фил не знал. Но он понимал, что у них теперь имелась оранжевая форма смотрил, два унимера, три накопника, считая Филовский, и два явломёта. Новичок взял один из захваченных в бою накопников, обошёл лежащих без сознания смотрил и ограбил их подчистую. Он со злости так их обессвойствил, что те стали похожи на пустые мешки, с которыми нищесвои ходят по обвещь.

– Потерпи, дружище, сейчас я тебя вылечу от бессилия, – пробормотал Герт, возвращаясь к Филу и на ходу активируя один из накопников.

Новичок закачал нищесвою обратно свою его богатырскую силу, а свойства смотрил они поделили поровну: очень много силы, средне – ловкости, гибкости и выносливости, и совсем немножко сообразительности. У смотрил наблюдалось ещё предостаточно исполнительности, но Герт решил, что она не понадобится. Обессвойствленных патрульных, валяющихся без чувств, напарники переодели в своё рваньё, а сами напялили их яркую униформу. Силы теперь у них столько имелось, что форма трещала по швам.

Новичок великодушно предложил оставить смотрил на берегу Ржавого Озера, не связывая. Сильные люди всегда добродушны, особенно к поверженным соперникам. Наверное, у силы есть ещё один побочный эффект – она добавляет немного благородства к более слабым и побеждённым.

– А вдруг они про нас расскажут! – заволновался Фил. – Их хватятся, будут искать, найдут, а они всё выложат. Тогда нам конец!

– Кто расскажет? Эти? – ухмыльнулся Герт. – Ты глянь на них, кто им поверит, что они смотрилы!

Облик патрульных, в самом деле, мало напоминал смотрильский: рваная одежда, дряблые конечности, сутулые плечи… Когда они очнутся, у них будут затравленный взгляд и глуповатое хихиканье в ответ на обращение более сильных.

– Сила на внешности сильно отражается, – с умным видом объяснил новичок, перезаряжая явломёт. – Как, впрочем, и другие свойства. Я, например, по лицу сразу определю, силач этот человек или слабак. Даже на мышцы его не глядя.

Явлов для явломётов было маловато, десятка по два на брата. В их видах ни Герт, ни Фил не разбирались. Синие, красные, крапчатые… Какие из них вызывают бурю, а какие – селевой поток, трудно сказать.

– Наплевать! – резонно заметил новичок. – Главное, что это – явлы, материализованные природные стихии, и ими можно стрелять. А чем стрелять – грозой или потопом, по-моему, без разницы.

– Не скажи, – возразил Фил, неловко держа оружие. – Одно дело – гроза, совсем другое дело камнепад. Первая только попугает, а второй – раздавит даже главаря смотрил.

Герт презрительно глянул на романтика и улыбнулся:

– Ты хоть стрелять-то умеешь, теоретик?

– Точно не скажу, не пробовал, – смутился тот. – Но дело нехитрое. Сто раз видел, как смотрилы стреляют.

– Дай-ка сюда, – отобрал явломёт у романтика новичок.

Он бойко снарядил явлами оружие, передёрнул затвор и прицелился.

– Смотришь через прицел на противника, – объяснил он, наводя ствол на Ржавое Озеро, – а потом плавно нажимаешь спусковой крючок указательным пальцем. Вот так.

Ствол явломёта дёрнулся, и водная гладь озера моментально обледенела. Герт с удовлетворением поглядел на результат выстрела и погладил приклад явломёта:

– Приятная машинка! Понял, как стрелять?

– Да понял, понял, – отмахнулся Фил, – дело нехитрое.

Он испугался, что новичок заставит его выстрелить, а потом высмеет за неумение. Но Герт не стал устраивать проверку, а только заметил:

– Машинка удобная, но слабоватая. Крысоволков хорошо пугать или нищесвоев. – Он подмигнул Филу. – А вот для смотрил я бы предпочёл что-нибудь помощнее. Скажем, дематор.

– Дематор?

– Ага. Есть такое оружие. Оно дематериализует любую вещь, в которую выстрелишь. Или существо. Напрочь дематериализует, насовсем. Вот то машинка так машинка!

Под воинственные речи Герта друзья, увешанные трофеями, обогнули Ржавое Озеро и двинулись к посёлку смотрил.

6

Когда напарники заняли свой наблюдательный пункт в кабине эскуламора, Отстойник уже погрузился в сумерки. Ночевать тут опасно: по ночам рыщет столько мерзких тварей, что никаких сил не хватит отбиться. Особо определённые залезут даже в кабину. Не в обиталище же идти на ночлег: смотрилы, в которых превратились Фил с Гертом, не ночуют с нищесвоями. Необходимо любыми способами пробраться в смотрильский посёлок под защиту мощного частокола, а там уже как Лепест даст.

– Давай часовому скажем, что мы из другого посёлка, – высказал дельную мысль Герт. – Попадём в посёлок, нам никакая живность не страшна. Спрячемся возле второсклада, там и заночуем. Ночи сейчас тёплые. Всё равно нам до завтрашнего полудня где-то ошиваться надо, пока Купол не разверзнется.

– Он раз в день, что ли, открывается? – на всякий случай уточнил Фил.

– Ты же сам видел. В полдень свойства переправляют за Купол.

– Это мы должны до завтра терпеть? Я уже есть хочу, – закапризничал романтик. Он бы по обыкновению расплакался, но закачанная сила не давала ему это сделать. Фил лишь скрипнул зубами.

– Я тоже хочу есть, – хмыкнул Герт. – А что делать! Правда иногда, по утрам Купол открывается, чтобы словохлам из Закуполья сбросить… Может, нам повезёт, и мы прошмыгнём в Закуполье утром.

– Утром? А зачем он утром открывается?

Герт нервно отозвался:

– Я ж объяснил только что! Откуда, по-твоему, в Отстойнике словохлам берётся?

Филу за сегодняшний бурный день приоткрылось столько тайн, что он уже не удивился новому открытию. В самом деле, он до этого момента и не задумывался о таких простых вещах. За Купол отправляются отборные свойства, а взамен сваливается разный словохлам! Ничего себе открытие!

Герт выпрямился, насколько позволяла кабина эскуламора, и решительно произнёс:

– Значит, план такой: мы представляемся смотрилами из другого посёлка. Мол, прибыли по обмену опытом. Или просто заблудились и зашли не на свою территорию. Просим ночлега.

– А не раскусят?

– Придётся рискнуть. Всё равно хитрости у нас нет, в голову ничего умнее не приходит. Кстати, дай-ка на всякий случай брабульницу. Пригодится для взятки.

* * *

Друзья осторожно выбрались из кабины и подошли к воротам. Бдительный часовой, заметив двух незнакомцев, немедленно взял наизготовку явломёт:

– Стой, кто идёт?

– Свои, друг! – осторожно отозвался Герт. – Заплутали немного. Пусти в посёлок, пока нас разные твари не сожрали.

Часовой достал светило и осветил сперва новичка, потом Фила, идущего чуть позади и готового в любой момент удрать.

– Кто такие? – нахмурился смотрила, опуская светило и нацеливая явломёт на Герта.

– Мы с другого посёлка, – объяснил новичок, немного стушевавшись. – Патрулировали тут и запатрулировались слегка…

– С какого посёлка, с Западного или Южного? – помог Герту наивный часовой. Повезло, что смотрил не снабжают сообразительностью в достаточном количестве!

– С Южного, – наугад брякнул новичок, не вдаваясь в подробности. Он вовремя понял, что отвечать нужно как можно короче, чтобы не брякнуть лишнего.

Ответ был принят: часовой опустил явломёт. Чтобы окончательно задобрить стража, Герт вынул брабульницу и заманивающее повертел её перед носом смотрилы. Решение оказалось верным, судя по алчно блеснувшим глазам часового.

– Держи! Подарок тебе.

Страж принял подарок, открыл крышку брабульницы и разочарованно поднял глаза на друзей.

– Без брабулята? – спросил он, обиженно скривясь.

– Увы, – грустно улыбнулся новичок. – Чем богаты… Зато крышка цела.

Часовой вздохнул, но всё же посторонился, пропуская друзей в посёлок. Не успели они отойти от ворот, как немедленно нарвались на здоровенного смотрилу. Судя по жёлтым нашивкам на рукавах униформы, нищесвои наткнулись на главаря посёлка.

– Стоять! – грозно приказал он, и друзья интуитивно приняли подобие строевой стойки. Сердитый главарь обошёл их со всех сторон, придирчиво осматривая чуть ли не каждую складку на форме.

– Это откуда такие красавцы явились? – спросил он, раздражённо сопя.

– С Южного посёлка, – бодро ответил Герт, всем видом стараясь показать преданность и послушание.

– Вас в Южном посёлке не учили, как нужно отвечать главному?! – тут же взорвался главарь. – А ну-ка, руки по швам, недоноски!

Фил и Герт послушно вытянулись. Слава Лепесту, новичок догадался, что в данной ситуации лучше помалкивать.

– Я – Тирл, глава этого посёлка. Обращаться ко мне нужно «господин Тирл», – помог главарь друзьям; с сообразительностью у него явно тоже туговато. – Распустили вас там, в Южном посёлке! Ни стойку строевую принять не можете, ни к старшему обратиться как положено! Разгильдяи! Зачем прибыли?

– Заблудились, господин Тирл, – бойко отчеканил Герт.

– «Заблудились»! Ты чего мямлишь, южанин! – Вероятно, новичок ответил недостаточно чётко, как ни старался. – Отвечать не учили, как следует?! Не нравитесь вы мне что-то, ребята! А ну-ка…

Тирл вынул унимер, направил на друзей и удивлённо свистнул:

– Ого! Это кто ж вам разрешил столько ума заполучить?! И силищи как у лисомедведей!

Романтик побледнел, вспомнив, что они на этот раз забыли о бдительности и не спрятали излишки свойств в накопники.

– Слышь, часовой, ты кого сюда впустил? – обратился Тирл к стражу.

Тот, быстро спрятав за спину брабульницу, вытянулся в струнку и молча заморгал.

– Да!.. Дисциплинка у южан прихрамывает! – не дождавшись ответа, задумчиво пророкотал Тирл, вновь обернувшись к напарникам, и неожиданно взорвался: – Но у нас не Южный посёлок!! С таким умищем я не позволю разгуливать по улицам! Марш к отцу Гведонию на блокирование!

Тирл вынул пищик и пронзительно пискнул. К нему сразу же подлетело несколько смотрил.

– Халь, – обратился главарь к самому рослому из них, – отведи этих умников к отцу Гведонию, пусть заблокирует. И по дороге объясни им, как нужно со старшими разговаривать. Обезоружить не забудь. Потом лично доложишь.

Халь подобострастно вытянулся, затем повернулся к друзьям:

– Оружие сдать и за мной бегом марш! – скомандовал он.

Остальные смотрилы взяли друзей на прицел. Ничего не оставалось делать, как, мысленно кляня себя за оплошность, сдать явломёты. Заодно бдительные смотрилы отобрали у «сослуживцев» накопники и унимеры. Затем Халь побежал в сторону Купола, Фил и Герт, подталкиваемые сзади смотрилами, засеменили за ним.

* * *

Возле красивого дома с кружевной оградой из золотистого бедаката смотрилы остановились. Под вполне определённой ристальерой уютно устроился отец Гведоний, он любовался темнеющим в сумерках Куполом и лениво потягивал пахучий напиток.

– Отец Гведоний, разреши обратиться, – отчеканил Халь, обращаясь к священнику. – У нас тут двое южан пришли, нужно срочно блокировать. Умные больно.

– В Либре говорится: ум не есть порок, если он в нужной голове, – изрёк отец Гведоний, с сожалением отставляя ёмкость с напитком. – А у вас, дети мои, нужных голов не бывает.

Он с любопытством метнул взгляд на прибывших и велел войти в дом.

– Двое с ними, охранять, – скомандовал Халь и проворчал: – От таких умников всего можно ожидать.

От сопровождающих отделились двое и подошли к священнику. Отец Гведоний, Фил, Герт и конвой последовали в дом. Друзья не успели как следует оглядеться, как очутились в небольшой комнатке, битком забитой разными вещами: ящиками, коробками и какими-то прозрачными ёмкостями.

– Ну-ка, что там у вас, дети мои? – ласково промолвил священник, направляя на друзей накопник. Глянув на устройство, он обомлел: – О Лепест! Где ж вы столько ума набрали?! Неблокированные что ли?

Услышав тревожные нотки в голосе отца Гведония, сопровождающие смотрилы немедленно навели оружие на напарников. Священник, бормоча «сейчас мы всё поправим», достал из ближайшего ящика прозрачный цилиндр, поколдовал над ним и приблизился к Филу.

– Закатай-ка рукав, сын мой. Будет немного больно, на то и блокировка…

Но заблокировать романтика он не успел. Со всей решимостью, которой у него имелось предостаточно, Герт обрушился на ближайшего конвойного и моментально обезоружил его. Второй ничего не успел сделать, потому как на этот раз и Фил не зевал. Ударом кулака по темечку он свалил охранника на пол.

– Молодец! – успел похвалить его Герт, укладывая на пол своего конвойного. – Моя школа!

Отец Гведоний внезапно выронил цилиндрик и попятился в угол. Он судорожно зашарил руками, пытаясь открыть коробку, стоящую в углу, но Герт направил на него явломёт и хищно улыбнулся:

– Не надо дёргаться, святой отец! Воздень-ка лучше руки вверх.

Священник послушно выполнил приказание. Новичок, держа его на мушке, подошёл к коробке и вытащил оттуда небольшую штуковину, похожую на маленький явломёт.

– О! Дематор! – оживился Герт, довольно глядя на священника. – Хорошее оружие любишь, святой отец? А как же «возлюби ближнего своего»?

– Лепест тебе не простит этого, – пролепетал отец Гведоний. – Поднять руку на священника – большой грех. Либра учит, что…

– Нищесвоям будешь толковать, чему там Либра учит, – оборвал его новичок. – Хотя вряд ли ты сможешь рассказать после этого…

Герт обшарил бесчувственного смотрилу, которого свалил на пол Фил, вынул свой накопник и направил его на священника.

– Так… Ого, ну и хитрости же у тебя, святой отец! Что там в Либре написано: нужно делиться с ближними?

Он тут же перекачал всю хитрость священника в накопник, заодно захватив и красноречие. Затем он содрал с отца Гведония оранжевый пояс, разорвал его на две части и ловко связал конвойных, успев мимоходом выкачать у них силу и разную мелочёвку вроде ловкости.

– Вы отсюда всё равно не выберетесь, – прошипел отец Гведоний, потеряв хитрость, а вместе с ней и осторожность.

Он злыми глазами следил за манипуляциями Герта. Тот не торопился отвечать. Он не спеша затянул узлы на смотрилах, забрал у них явлы, затем они с Филом по-братски поделили свойства-трофеи, в том числе и хитрость отца Гведония. Закончив перечисленное, новичок удосужился ответить:

– Без тебя не выберемся, это факт. А с тобой – сколько угодно.

Он бесцеремонно ткнул священника в бок трофейным дематором и приказал:

– Высунься в окно и прикажи этим головорезам убраться. Мол, ты нас блокировал и решил провести беседу. И скажи ещё, что разрешил нам заночевать у тебя.

Видя, что отец Гведоний медлит, Герт ещё раз ткнул его стволом и веско произнёс:

– Мне терять нечего, батюшка. А тебе – есть что. Ну!

Священник, видя безвыходность ситуации, послушался и выполнил требуемое.

– А наши бойцы где? – в ответ раздался с улицы голос Халя.

– Пусть останутся, – по подсказке Герта ответил потерявший сообразительность отец Гведоний. – Охранять будут на всякий случай. Ступай, сын мой, доложи старшему. И не спрашивай больше ничего ради Лепеста! Ибо в Либре сказано, что любопытство – от лукавого.

Халь нерешительно потоптался, зачем-то оглядел окна дома священника, и пошёл прочь. За ним потянулись другие смотрилы из сопровождения. Герт и Фил перевели дух. Затем новичок, вынув трофейный накопник, навёл его на отца Гведония и загрузил в священника всю смотрильскую исполнительность.

– Чтобы больше не дёргался, – пояснил он романтику, – и бежать не пытался.

Новичок, приказав священнику сесть, уселся напротив с явломётом наготове и спросил:

– Что ты с нами хотел сделать?

– Блокировать, – послушно ответил священник, ставший исполнительным.

– Зачем?

Священник удивлённо приподнял брови, но под воздействием исполнительности, подкреплённым дулом дематора, всё же счёл нужным ответить на вопрос:

– Чтобы лишних свойств себе не присвоили. Соблазн ведь велик. Ведь Либра нас учит, что…

Герт, не дослушав, повернулся к Филу:

– Вот тебе и ответ на твой вопрос. Помнишь, ты спрашивал, почему смотрилы не присваивают свойства себе, а послушно сдают на второсклад? Потому что они заблокированы. Больше ума, чем позволяет блокировка, у них не получится в себя скачать, хоть расстарайся.

– Послушания можно сколько угодно брать, – ввернул священник. – Оно не блокируется.

– А у тебя, святой отец, на что блокировка стоит? – хмыкнул новичок. – На совесть?

Отец Гведоний забормотал что-то, но Герт опять перебил его.

– Когда Купол разверзнется? Завтра в полдень?

Пока священник мялся с ответом, Фил успел подумать, что до полудня они не доживут. Утром должна состояться проповедь, и священника обязательно хватятся, поднимется переполох на весь посёлок. Но как выпутаться из этой ситуации, он не знал. Однако неожиданный ответ отца Гведония его обрадовал.

– Рано утром. Словохлам будут выгружать и разбрасывать по Плоске.

– Отлично! – обрадовался Герт. Он наклонился к Филу и шепнул:

– Трофейных свойств у нас хватит, чтобы выбраться отсюда. Можно и второсклад не грабить. Всё равно не дождёмся полудня.

Довольный, он обернулся к священнику и приказал:

– А теперь, святой отец, веди нас в свою кладовочку. Надо тебя пообщипать маленько. Да не пожимай плечами! У любого священника есть закрома, где он вторичку прячет. Давай, показывай, что у тебя припрятано: действяки, навычки, обвещь хорошую…

Отец Гведоний вздохнул и под прицелом побрёл к внутренней двери. Не успел он открыть её, как откуда-то из-за стены раздался женский голос:

– Ужинать будешь, батюшка?

– Ответь! – ткнул его в бок дематором Герт.

– Попозже, матушка! – уныло отозвался послушный священник. – У меня прихожане, души заблудшие.

– Остынет же всё!

– Благое дело делаю, матушка. Неразумных на путь истинный наставляю. Потом разогреешь.

Матушка замолчала, а священник под прицелом повёл друзей полутёмными коридорами в потайную комнату, которая, по мнению Герта, должна быть доверху забита действяками и прочими интересными штуковинами.

* * *

Сокровищница была наполовину заставлена коробками, похожими на те, которые громоздились в комнате для блокировки. Отец Гведоний отпер дверь, вошёл и обречённо облокотился на стену.

– Ты не стой в сторонке. Давай, демонстрируй, – подтолкнул его новичок.

– О Лепест мой! – всхлипнул священник, подходя к коробкам и выворачивая их содержимое наружу.

Герт присвистнул, увидев, как из одной коробки градом посыпались крупные действяки. Велев Филу держать священника на мушке, он наклонился и начал перебирать их, приговаривая:

– Да тут у тебя целый второсклад! Ох и выжига же ты, святой отец! Ну-ка, что тут есть… Ага, безумие. Пригодится на завтра, с ума сводить смотрил… Так, безделье. Тоже пойдёт… Похоть. Хе-хе, представляю похотливых смотрил!.. Давай-ка следующую коробку.

Действительно, неплохой запасец у отца Гведония. Фил, держа под дулом явломёта священника, краем глаза косился на небывалые сокровища. Свойств, как ни странно, священник не хранил, зато отборных действяков у него имелось с десяток коробок. Да каких здоровенных, просто загляденье! Печаль, стремление, скорость, упоение, тоска… Из одной коробки высыпались навычки, полезные и бесполезные вперемешку: умение читать, слушать собеседника, плавать, танцевать… Глаза разбегаются!

Опрокинув коробки на пол, отец Гведоний опять опёрся на стену и отвернулся с оскорблённым видом. Упоённый набиванием карманов сокровищами, Герт не заметил, что священник постарался незаметно задвинуть в угол небольшую коробочку.

– А тут у тебя что? – невинно полюбопытствовал Фил, указывая явломётом на невзрачную коробку.

– Да так, мелочёвка… – ответил священник, заметно напрягшись. Поскольку хитрость у него отняли, он не смог придумать ничего лучшего.

Новичок тут же подскочил к коробке и вывернул её содержимое на пол. Глаза его от удивления расширились.

– А ты прохвост, святой отец! Утаить хотел!

– Что там? – заинтересовался романтик, разглядывая непонятные штуковины странного вида, вывалившиеся из коробки.

Герт выбрал одну штуковину и торжественно поднял её над головой:

– Поздравляю тебя, хозяин! Считай, что ты уже в Закуполье! Это, друг мой нищесвойный, называется прят. Он спрячет тебя и меня так, что даже квазиволки не учуют! Жаль, правда, что он один. Но на двоих должно хватить заряда.

Романтик уставился на штуковину в руках Герта.

– Невидимкой он нас сделает, что ли? – решил уточнить он.

Новичок фыркнул:

– Невидимкой! Не только. И невидимкой, и неслышимкой, и неучуйкой. Прят от всех органов чувств прячет. С ним тебя не видно, не слышно, не осязаемо и не обоняемо. Он даже память о тебе сотрёт у всех твоих знакомых, если мощности хватит. У этого, к сожалению, не хватит, но это и не обязательно.

Новичок вернулся к кучке таинственных предметов, выкопал ещё одну странную штуковину и преподнёс Филу.

– А это специально для тебя. Нетреба. Ты ведь жрать хочешь постоянно.

– И что?

– С нетребой ты можешь долго обходиться без еды. И без сна, и без воздуха, и без оправления естественных надобностей…

Герт поколдовал над нетребой, и романтик в самом деле перестал чувствовать голод. Ощущение такое, словно он недавно плотно поел, хотя пища и не давила на желудок.

– Теперь тебе хватит силёнок, чтобы завтра выскочить в дырку и немного побегать по Закуполью, – радовался новичок.

Повеселившись, Герт посерьёзнел и распорядился:

– Сейчас мы возвращаемся в блокираторскую. Будем коротать время до утра. По очереди стеречь этого… – Он указал на священника. – Утром, как появятся наружники и приоткроют Купол, маскируемся прятом и выскальзываем наружу.

7

Нетреба оказалась не очень приятной штукой. Потребности в сне не ощущалось, и всю ночь Фил провёл в каком-то оцепенении, не зная чем себя занять. Из ступора его вывел Герт, дежуривший возле пленников. В глазах напарника виднелась тревога.

– Вставай, брат, на подвиги пора! Как говорят у нас в Закуполье, есть две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

Романтик не знал этой поговорки и пока спросонья соображал, какую новость лучше услышать первой, новичок ответил сам:

– Хорошая новость: купол раскроется до проповеди. Так что святого отца пока не хватятся.

– А плохая?

– Плохо то, что заряда в пряте всего один киломатэрг.

– «Кило» что? – поморгал глазами Фил.

– Долго объяснять. Короче, матаккумуляторы посажены. Надолго спрятаться не получится. Придётся топать до проёма в обычном состоянии, а потом включать прят и галопом за Купол. Вот, посмотри сам.

Герт показал на прят. На передней стенке устройства за окошечком мигали непонятные знаки. Романтик потаращился на них и недоумённо перевёл взгляд на новичка.

– Совсем забыл, что ты безграмотный дурень! – расстроился тот. – Придётся тебя чуток подправить.

Новичок покопался в карманах и вытащил пару навычек с навыками чтения и знания элементарной математики. Немного повозившись, он активировал навычки, и Филу опять пришлось прислушиваться к незнакомым ощущениям. Теперь он понял, что непонятные значки – это цифры, и интуитивно догадался, что значение этого числа не очень хорошее.

– Батюшка, завтракать пора! – внезапно раздался голос надоедливой матушки. – Всю ночь паству проповедовал, замаялся поди.

Герт толкнул спящего священника. Тот встрепенулся и поглядел на новичка ошалелыми со сна глазами.

– Я к тебе иду, батюшка! – пропела матушка. Сверху раздались приближающиеся тяжёлые шаги. Новичок бросился к двери, подпёр её плечом и свирепо зыркнул на отца Гведония, выразительно помахав дематором.

– Не надо, матушка, – сообразил полусонный священник. – Сейчас разверзнется Купол. Я пойду словохлам принимать. А уж потом вместе отзавтракаем.

– Куда ж ты пойдёшь голодным! – отозвалась заботливая матушка совсем рядом.

– Ступай с Лепестом, матушка. Голод – это во благо. Ибо Либра говорит, что путь к господу лежит через страдание и усмирение плоти.

Аргумент подействовал. Из-за двери слышно, как грузная матушка, явно не желающая усмирять плоть голодом, стала удаляться. Священник подошёл к окну, осторожно выглянул и встревожено обернулся к друзьям.

– Пора!

Герт сжал губы в тонкую полоску и деловито произнёс:

– В общем так. Выходишь на улицу первым, мы за тобой. Если кого встречаем, ты отбрехиваешься, мол, поставил нам блокировку и всё такое. Вздумаешь выдать – мигом дематериализую.

Он щёлкнул предохранителем дематора, и священник вздрогнул.

– Понял, понял!

– А с этими что делать? – спросил Фил, опасливо глядя на связанных смотрил. Один из них пришёл в себя и зло смотрел на друзей, готовый заорать в любое мгновение.

Герт в качестве ответа подошёл к отцу Гведонию, бесцеремонно оторвал ему полу рясы, разорвал на две половины и заткнул смотрилам рты.

– Чтобы не орали, – объяснил он и обратился к священнику: – Потом вернёшься и можешь их развязать, если захочешь.

– Нам пора, – напомнил священник, тревожно поглядывая на окна.

– Успеем, – процедил Герт, копаясь в карманах и зачем-то перекладывая действяки и навычки. – Подготовиться надо на всякий случай… Если у прята матэргии не хватит… Давай явломёты оставим. Лишняя тяжесть не нужна, да и матэргия на них будет тратиться лишняя, чтобы спрятать.

Закончив странные манипуляции с обвещью, новичок выпрямился, решительно сверкнул глазами и произнёс:

– Ну, братцы, с Лепестом! Рванули!

* * *

Дом священника удачно расположился недалеко от Купола. Подавленный ночными событиями, исполнительный отец Гведоний брёл к нему, опустив голову. Он машинально отвечал на вопросы смотрил, которые выбрались из своих жилищ посмотреть на красивое зрелище. К счастью, смотрилы из-за нехватки ума не отличались любопытством и не допытывали, кто это идёт рядом с ним и почему священник такой понурый и растрёпанный.

Друзья добрались до Купола очень удачно: он как раз начал разъезжаться. На полупрозрачной его поверхности появилась быстро увеличивающаяся трещина, из которой хлынул яркий свет.

– Только не вздумай в религиозный экстаз впадать! – прошипел Герт на ухо Филу. – Изувечу!

Тот кивнул в ответ, не отводя завороженного взгляда от небывалого зрелища. Второй раз романтик наблюдал открывающийся Купол. Но на этот раз зрелище было внушительнее, потому что Купол находился в нескольких десятках шагов. От того, что сейчас он, Фил, обычный нищесвой-неудачник, попадёт в святая святых, сильно билось сердце. Ещё пару дней назад о Закуполье и не мечталось. Нищесвой порадовался, что у него не закачана романтика, которая сейчас бы его выбила из колеи совершенно. Нужно не мечтать, а действовать, как говорил его решительный напарник.

Когда Купол разверзся, и посёлок озарился загадочным светом Закуполья, в проёме, как и в прошлый раз, показались две высокие фигуры в синей форме. Фил хотел упасть на колени, но, глянув на своего решительного товарища, благоразумно решил этого не делать. Он украдкой перетреуголился, поглядывая на Герта, который осторожно выудил из кармана прят и начал готовить его к работе.

Но торжественность момента, которого подсознательно ждал Фил, наверное, всю свою жизнь, оказалась нарушена.

– А, южане! – раздался над ухом зычный голос главаря Тирла. – Заблокировались уже?

Фил резко обернулся и этим встревожил Тирла. Последний достал унимер, но не успел ничего предпринять. Герт активировал прят, и друзья на глазах опешившего главаря исчезли.

– Они здесь! – тут же завопил испуганный священник. – Ищите их. Это грабители! Они обокрали меня!

Тирл резким движением снял с плеча явломёт и щёлкнул предохранителем. Он присел и начал водить стволом в разные стороны, как будто это могло ему помочь увидеть столь внезапно исчезнувших «южан».

Фил под действием прята в который раз почувствовал себя невероятно странно. Он первым делом глянул под ноги и чуть не запнулся: не видно ног.

– Не смотри под ноги, беги по памяти, – посоветовал новичок, активируя два действяка-скорости.

Друзья быстрее мухокомаров понеслись к проёму в Куполе. Пробегая между двух грузчиков с второсклада, «вестников Лепестовых», Фил хотел замереть в благоговении, но сильным пинком Герт отправил его дальше. Романтик только успел уловить беседу грузчиков:

– Что там по накладной?

– Словохлама четыре тонны и свежая живность.

– Что за живность?

– Копошуны, саложоры и парочка подхрипышей.

– Словохлам определённый?

– Почти. Есть пара неопределённостей. Чихать, не нам расхлёбывать!

Почти весь проём заняла огромная прозрачная ёмкость с невероятным количеством словохлама. Романтик разглядел, как среди обвещи неприятно шевелятся омерзительные создания, наверное, это и были упомянутые копошуны и подхрипыши.

– Не останавливайся, вперёд! – приказал Герт, подталкивая Фила в спину.

Тот испуганно обернулся и прошептал:

– Ты чего орёшь? Услышат!

– Не услышат! У нас же прят! – в полный голос возразил новичок, не останавливаясь. – Я тебе вчера объяснял, запамятовал?!

Аккуратно, бочком напарники протиснулись мимо прозрачной ёмкости, содрогаясь от омерзения, и, выбравшись за Купол, зажмурились от яркого света.

* * *

Фил открыл глаза; свет нестерпимо резанул, и пришлось зажмуриться снова. Но за это короткое мгновение романтик успел заметить высокие деревья, покрытые зелёной листвой, равнину, поросшую яркими цветами и высокую красивую изгородь в сотне шагов впереди. Когда он открыл глаза вторично и проморгался, то охнул от восторга.

После угрюмого Отстойника Закуполье казалось чудесной страной из сказок старой Лайги, которые она рассказывала детворе, когда пребывала в благодушном настроении от своей браги. Мир за Куполом был окрашен в яркие радостные цвета в отличие от угрюмых блёклых тонов Отстойника. Романтик взглянул наверх и присел от страха. Он не увидел над головой привычного полупрозрачного Купола, лишь ярко-синее пространство, по которому плыли незнакомые белые комья. А нестерпимо яркий свет, оказывается, лился от огромного светила, которое висело посреди неба.

И растительность! Лепест праведный, какая тут яркая растительность! Разве напоминала она чахлые кривые кусты или жухлую траву Отстойника! Озарённая светилом, она была настолько красочна, что у бедного романтика закружилась голова.

– Вот мы и дома, Фил, – улыбнулся Герт и не удержался от колкости: – Прости. Я хотел сказать «господин Фил».

Романтик хотел упасть на траву и лежать долго-долго, любуясь белыми комьями на небе и вдыхая сладкий аромат ярких цветов. Наверное, романтика за последние сутки увеличилась и в несколько раз превысила норму. Но новичок не дал упасть, он неожиданно толкнул Фила и закричал:

– Бежим!

Не успев опомниться, Фил помчался вместе с Гертом к высокой изгороди. Сзади раздалось топанье, но оглянуться назад не было сил. На ходу новичок вынул пару навычек – прыгучестей – и активировал их. Добежав до стены, друзья, благодаря навычкам, легко перемахнули через неё, словно две блоховошки. За изгородью рос густой кустарник; Герт потянул романтика за рукав, и они спрятались в кустах, затаив дыхание.

С той стороны изгороди раздались топот и дыхание преследователей.

– Куда они побежали? – спросил звучный баритон.

Не менее звучный тенор ответил ему:

– Кажется, за забор перепрыгнули.

– Сколько их?

– Двое. Смотрилы в оранжевой форме.

– Кошмар! Сколько тут работаю, первый раз такое случилось.

– Я тоже не слышал, чтобы из Отстойника кто-то выбирался.

– Сообщи, пусть дружина сконфигурится, и наряд сюда перепухнет. Я пока покараулю.

Сидящего в кустах Фила вдруг осенило:

– Зачем мы прячемся? – спросил он в полный голос. – Мы ведь невидимы.

– Тихо, идиот! – зашептал Герт. – Мы уже давно видимы. Матаккумуляторы сели.

Романтик оглядел себя и убедился, что новичок прав. А голос за стеной обрадовался:

– Эй, Дак, они здесь! На территорию забрались!

– Отползаем! – прошептал Герт, и друзья начали потихоньку пробираться вдоль ограды.

* * *

Изгородь окружала с полдесятка внушительных строений, в окнах которых отражалось светило. На счастье беглецов людей им не встретилось, лишь за изгородью где-то топал один из грузчиков. Фил предложил отползти подальше и отсидеться, но Герт отверг это предложение:

– Сейчас сюда перепухнут дружинники.

– Дружинники? Перепухнут?

– Ну да, – тревожно проговорил новичок, оглядываясь. – Дружинники – это вроде смотрил ваших, только они временно конфигурятся. И у нас скоро будут очень большие неприятности. Даже не знаю, что и придумать.

– Я же говорю, давай отсидимся тут, – начал сердиться Фил. – Может, не заметят.

Герт с сожалением поглядел на романтика:

– Эх ты, темнота! У них ведь следило есть. Штуковина такая. С ней любой предмет можно где угодно увидеть и следить за ним.

– Ну, так то предмет…

– А мы кто, по-твоему?

– Люди.

Теперь настала очередь раздражаться Герту:

– Следилом можно увидеть любой предмет, любую вещь, любое существо, любое явление, функцию, формулу, действие где угодно и когда угодно! В любом участке дружины при конфигурации появляется такое следило. Ясно?

– Ясно, – убито пробормотал Фил, не понимая толком насчёт конфигурации, но догадываясь, в какую переделку они вляпались. Теперь их точно схватят и в абстров превратят. Герта сделают Решительным Человеком, а его, Фила – Романтическим Нечто.

Но решительный Герт не унывал. Он деловито оглядел ближайшее строение и с досады хлопнул себя по колену:

– Жаль, перепухальника нет. Тогда бы на склад проникли запросто…

– Зачем?

– Поискать розетку матэргетическую: матаккумуляторы у прята зарядить. Тогда бы мы спрятаться могли от следила. Я тебе что, каждую мелочь объяснять должен?!

– А зачем перепухальник? Может через дверь можно?

Новичок настолько рассердился, что на мгновение выскочил из кустов:

– Какая дверь?! Где ты двери видишь, дурень?! Нет в Закуполье дверей! Нет!! Нигде нет! Тут все перепухают! Для этого перепухальник нужен! Понял, неуч?!

– Тогда через окно, – невозмутимо предложил романтик. – Окна ведь в Закуполье есть. Сам посмотри, вон их сколько.

Герт на удивление уважительно глянул на Фила:

– Ты прав. Давай-ка за мной поживее, пока дружина сюда не перепухнула.

* * *

Проникнуть в ближайшее строение оказалось очень легко. Герт камнем разбил прозрачную субстанцию («стекло», как объяснил он), и друзья влезли в образовавшийся проём, чудом ухитрившись не порезаться.

Напарники попали в титанических размеров зал. Фил огляделся и присел от удивления. Он увидел длинные ряды огромных призм, верхние основания которых упирались в недосягаемый потолок. Где-то на середине каждой призмы мерцала надпись. Научившийся читать романтик разглядел ближайшие надписи: «Магнитная проницаемость», «Момент инер-

ции», «Текучесть». На каждой призме сбоку приделана какая-то штуковина с двумя рукоятками и тёмным овальным отверстием между ними. Над одной рукояткой краснела надпись «Загрузка», над другой – «Выгрузка», а над овалом – «Поставь носитель».

– Знаешь, дружище, куда мы попали? – повернул к Филу радостное лицо новичок. – В пещеру с сокровищами! Это – хранилище свойств!

– Второсклад? Для Лепеста?

– Ага. А заодно и для нужд наружников.

Фил не понял, причём здесь наружники. Но времени на обдумывание у него не было – слишком много нового вокруг. Значит, призмы – это огромного размера накопники, в которых хранятся свойства. Фила даже затрясло от возбуждения:

– Так давай ими нагрузимся!

– Нам прят зарядить сперва нужно, – возразил Герт, глазами пытаясь отыскать розетку. – И спрятаться, как следует.

Ближайшая матэргетическая розетка нашлась на стене между призмами с надписями «Живучесть» и «Размножаемость». Едва Герт успел подсоединить к ней прят, как Фил почувствовал какое-то движение. В десяти шагах от них возникли пять рослых наружников в серой форме с красными повязками. Четверо из них держали в руках дематоры, а пятый – странный плоский предмет, на который он смотрел не отрываясь. Герт охнул и активировал прят. По знакомому странному ощущению романтик догадался, что они с Гертом исчезли.

Невооружённый наружник недоумённо поднял голову, потом потряс плоским предметом и сказал своим друзьям:

– Не пойму ничего. Только что тут шныряли!

Один из вооружённых через плечо глянул на предмет.

– Вот гады! Прятом воспользовались! Теперь следило бесполезно!

Невооружённый расстроено опустил плоскую штуковину и развёл руками:

– И как теперь их ловить будем? Не сидеть же здесь всё время.

– Только старым добрым способом – натянем пуст вокруг склада. Через него не пробегутся. И матэргию отрубим: их прят через полдня разрядится.

– И что толку, следило не следит через пуст!

– Зачем следить? Будем запухать сюда раз в четверть часа. А сами у грузчиков посидим пока. Здесь-то и сидеть не на чем.

– А если у них перепухальник тоже есть? Упухнут, а мы будем, как дураки, сидеть у грузчиков…

– Откуда у этих животных из Отстойника перепухальник! – хохотнул один из серых.

Все пятеро моментально растворились в воздухе.

– Кто это? – осведомился Фил шёпотом. Хоть Герт и говорил, что с прятом можно даже орать во всю глотку, но романтик в это слабо верил.

– Дружинники, кто ж ещё! Блюстители порядка!

– Я не понял, что они собираются делать.

– Ты же слышал – пуст натягивать. Это скверная вещь, брат. Просто пустота без свойств и особенностей. Вляпаешься в неё – и прямиком на тот свет!

Стараясь далеко не отходить от заряжающегося прята Герт приподнялся и вытянулся, чтобы выглянуть в окно. За окном дружинники возились с пустом, оборачивая им здание. По лицу новичка было видно, что на этот раз вляпались друзья крепко.

– У тебя же дематор есть, – вспомнил Фил. – Может, этих дружинников того самого?..

– У них тоже не злапаусы в кобурах! – сердито возразил новичок. – Перестреляют на раз!

И он опять задумался.

– Ну, Герт, ты чего нос повесил? – осведомился романтик, жизнерадостно улыбаясь. – У нас же полно свойств, посмотри вокруг!

Он обвёл рукой вокруг себя, показывая на бесконечные ряды призм. Но понурившийся новичок не разделил его оптимизма.

– И что? – уныло спросил он.

– Как что?! Напитаемся силой и прошибём этот пуст!

– Я же тебе уже объяснил, что пуст – это абсолютная пустота. Её ничем не прошибить.

– А мы всю силу заберём, которая есть на этом складе, – сказал романтик уже не так уверенно.

– Тебе же, дурню, рассказывали притчу о Хабидоське!

– Причём тут Хабидоська?! – удивился романтик, не уловив мысли Герта.

– А при том, что нельзя много свойств в себя пихать! Перенасыщение может произойти. Интересно, чем ты слушал проповеди?

– Ты же сам говорил, что это всё ерунда. Как там… Религия – опиум для народа!

– Может и говорил, – неуверенно согласился новичок. – Но в данном случае Либра права. Перенасытишься свойствами – может произойти качественный скачок. Большое количество положительного свойства скачком переходит в отрицательное качество. Вник хоть чуть-чуть?

Фил понял, конечно, далеко не всё. Но он не стал обдумывать слова Герта, потому как ему в голову пришла новая мысль.

– Прят зарядился? Давай поищем с тобой хитрость. Где-то тут она мелькала…

Новичок ничего не успел возразить, как Фил схватил прят, выдернув его из розетки, и пошёл искать по залу хитрость. Герту пришлось пойти рядом с ним, чтобы не выйти из поля действия прята. Им не пришлось долго блуждать среди рядов: призма с хитростью нашлась довольно быстро.

Герт не успел ничего сказать, как Фил вынул накопник и сунул его в овальное отверстие. Немного подумав, он повернул рукоятку с надписью «Выгрузка».

– Погоди, ты что делаешь? Вдруг тут сигнализация…

Но Фил только отмахнулся. Рукоятка щёлкнула и призма тихонько зажужжала. Металлический женский голос равнодушно произнёс:

– Для идентификации положи правую руку на панель.

Романтик немедленно подчинился.

– Выгрузку свойств производит только заведующий складом, – сообщил голос. – При следующей попытке выгрузки будет открыт огонь на поражение!

8

До вечера друзья сидели в почти полной темноте: лучи светила («солнца», как называл его Герт) не могли пробиться через пуст. Лишь тускло мерцали надписи возле призм. То, что снаружи вечер, можно только догадываться. Новичок отключил бесполезный прят, решив активировать его, когда в помещение перепухнут полицейские.

Положение друзей аховое, ещё хуже чем тогда, в доме отца Гведония. Перескочить абсолютную пустоту, поглощающую любой предмет, любое существо, любое явление, невозможно. Единственный способ – перепухнуть через отверстие в пусте, когда очередной дружинник появится, чтобы проконтролировать ситуацию. Как объяснил Герт, для этого нужно специальное устройство – перепухальник, который позволяет исчезнуть в этом месте и материализоваться, «вспухнуть», в другом.

– Я уже говорил, у всех наружников есть перепухальники, – «успокаивал» он удручённого романтика. – В любое место за мгновение перемещаешься.

– И в жилища тоже?

– Конечно.

Хоть Фил и делил в Отстойнике жилище на несколько десятков человек, он знал, что жилище может быть и персональным. Например, Мих жил один в весьма обширном по меркам обиталища доме. Или отец Гведоний, который тоже обладал собственным домом.

– Это что же получается, что у тебя дома в любой момент могут вспухнуть незваные гости? Или, ещё хуже, воры?

– Тёмный ты человек! – с сочувствием глянул на Фила новичок. – А пуст на что? Мы на ночь или когда уходим надолго, всегда включаем пуст. А если ты в квартире живёшь, то для пуста есть специальное пустое пространство в стенах. Перед уходом ты туда напускаешь пуст, и он как бы обёртывает квартиру. Воры не заберутся. Ты не об этом сейчас думай!

Фил мало что понял из рассказа Герта. Одно было ясно – перепухальник необходим как воздух. С помощью него можно выпухнуть со склада в любом направлении, лишь бы имелась в пусте дыра.

Пару раз в пусте появлялось небольшое отверстие, и в помещении возникал дружинник с небольшим светилом в одной руке и со следилом в другой, но друзья пребывали начеку. Они моментально активировали прят, и блюститель порядка зря пялился в следило, пытаясь их отыскать. Пытаться с помощью прята проскользнуть мимо дружинника опасно – для двоих дыра в пусте слишком мала. Заденешь чуть – смерть моментальная. К тому же за дружинником отверстие через несколько мгновений захлопывалось. Видимо, напарники следильщика опасались, что под прятом беглецы выскочат и скроются.

В третий раз вслед за дружинником в отверстие протиснулась юная красавица в синей форме. Как только Фил в тусклом свете дружинникова светила увидел спутницу следильщика, у него отвисла челюсть и забилось сердце, как при быстром беге. Он чуть не выскочил из поля действия прята, но новичок вовремя удержал его.

Она была ослепительна, эта девушка. Найза, первая краса обиталища нищесвоев, по сравнению с ней страшна как толстоглазик. У девушки наличествовали все атрибуты красавицы, и они превышали все разумные пределы. Блондинка с огромными синими глазами, точёным лицом, нежным румянцем и пухлыми чувственными губами. Фигура и грация – словами не выразить! Она что-то сердито говорила звонким голосом, а дружинник кивал головой и пытался возразить. Фил прислушался к разговору.

– Нельзя пустом опутывать склад! – чарующе возмущалась блондинка. – Кто вам разрешил?

– Но тут беглецы прячутся, – объяснял ей дружинник, поглядывая на следило. Свободную руку он держал на кобуре с дематором.

– Нет тут никого. Они давно уже удрали, ваши беглецы.

– У них перепухальника нет. И отверстие мы захлопываем тут же.

– Мне всё равно! – очаровательно сердилась девушка. – Я – заведующая складом и отвечаю за сохранность свойств. Нельзя держать в темноте меганакопники – могут параметрявки завестись.

– Так дежурное освещение включи.

– Оно автоматически включается в ночное время. А сейчас не ночь.

Они ещё сколько-то препирались, потом девушка достала своё светило и отправилась к противоположной стене помещения, мимо притаившихся под прятом беглецов. Фил чуть не потерял сознание от созерцания красавицы, пока она проходила мимо. Лишь присутствие опасности в виде дружинника удержало его от падения.

– Послушай, Нея! Тебе нельзя здесь оставаться, – канючил дружинник, шагая рядом с ней и озираясь.

– Но мне отчётность нужно готовить! – хмурилась ослепительная Нея.

– Я с тобой посижу. Тебе охрана нужна.

– Ты меня отвлекать будешь. Ничего со мной не случится. Я кабинет пустом отгорожу.

У Фила возникла мысль выскочить из поля действия прята и напасть на дружинника, но он её отмёл: товарищи блюстителя придут на помощь, если их напарник пропадёт в помещении надолго. Беглецы под прикрытием прята осторожно проследовали за парочкой, пока не упёрлись в противоположную стену. Блондинка подошла к двери и скрылась за ней. Дружинник немного постоял в раздумье, а затем двинулся назад и вскоре пропал в отверстии.

– Ты же говорил, что в Закуполье дверей нет, – шепнул Фил, показывая на дверной проём, в котором скрылась прелестная Нея.

– Я про наружные двери говорил, – огрызнулся Герт. – А межкомнатные есть. Внутри помещения можно и пешком походить, чтобы перепухальник не тратить.

Он отключил прят и проговорил:

– Значит так, Фил, у нас есть только один способ отсюда выбраться – раздобыть перепухальник. И он, скорее всего, есть у этой блондинистой стервы. В Закуполье редко кто без него обходится.

– Зачем ты её так называешь? – оскорбился романтик. – Она не стерва! Такая красивая…

Герт с интересом глянул на Фила, и тот покраснел.

– О-о! Как интересно! Наш романтик интересуется женским полом! – ехидно обрадовался новичок. – Дурында ты всё-таки, нищесвой!

– Почему это? – вскинулся романтик.

– Да потому что она – заведующая этим хранилищем. Сам видишь, свойств тут – уствойствиться можно по самое горло! Вот она и нахапала себе блондинистости и фигуристости.

– Своровала?

– Вот чудик! Зачем воровать? Она свойства списывает. Усушка, утруска… Она же кладовщик!

Романтик только обречённо махнул рукой, мол, всё равно не понять. Герт разъяснять не стал. Он дружески похлопал его по плечу:

– Я не думал, что ты такой чувствительный, братец! От первой же смазливой девки слюной изошёлся, как подросток. В город выберемся, там такие девицы ходят – весь тротуар слюной укапаешь.

Новичок мечтательно поизучал взглядом потолок:

– У нас ведь женщины любят свойства менять как наряды. По утрам нацепит на себя хозяйственность, днём – деловитость, а зато по вечерам в ресторанах и клубах… М-м-м!.. Сегодня у неё стервозность зашкаливает, завтра – миловидность и доверчивость, послезавтра – красота и ласковость…

– Зря ты всё красноречие у отца Гведония забрал, – прервал размышления Герта Фил. – Разошёлся – не унять.

И тут романтика осенило:

– Слушай, может, с твоим красноречием у этой Неи перепухальник выпросить? Ну, наговоришь ей всяких приятностей…

Герт встрепенулся было, но тут же потух.

– Не получится. Посмотри на неё и на меня. Куда ж мне с такими внешними данными!

Он продемонстрировал грубые руки, неприятное смотрилоподобное лицо и мощный, но кривоватый торс.

* * *

Уловив движение среди призм, друзья метнулись к пряту и скрылись под его защитой. На этот раз в зале оказался не дружинник. По помещению из угла в угол заметались неуловимые глазу призрачные тени.

– Что это? – содрогнулся Фил.

– Не бойся, это параметрявки. Овеществлённые свойства, грубо говоря. Они не опасны.

– Вроде абстров?

– Не совсем. Точнее, наоборот. Абстры – это абстрактные Люди, Существа или Предметы. А параметрявки – это как бы живые свойства.

Герт уже хотел отключить прят, но тут дверь, за которой скрылась заведующая складом, распахнулась, и на пороге появилась она, Филова пассия. Блондинка, растрепанная и сердитая, в правой руке держала какое-то приспособление, а в левой – зажжённое светило.

– Я же говорила этим идиотам, что в темноте параметрявки заводятся, – мило проворчала она вполголоса. – Сейчас эти тварюшки отведают моего чистила!

Девушка щёлкнула приспособлением и, держа его перед собой, как оружие, двинулась по проходу между рядами призм. Параметрявки заметались с удвоенной скоростью. Ослепительная блондинка чистилом загоняла их обратно в меганакопники, но шустрые существа упорно не хотели загоняться. Параметрявки явно беспокоили её больше, чем притаившиеся в темноте преступники, о которых предупреждал дружинник. А, может, она просто забыла о них – слишком коротка память в блондинистой голове.

Чтобы не тратить драгоценную матэргию, друзья спрятались в самом дальнем углу и отключили прят. Они довольно долго наблюдали, как красавица бойко расправляется с параметрявками и превращает их обратно в обычные свойства. Маленькая симпатичная параметрявка, спасаясь от карающего чистила, метнулась в угол, где прятались беглецы и в нерешительности остановилась перед ними. От неё веяло таким обаянием, что Фил так и понял, что это – овеществлённое Обаяние.

– Ну, иди сюда, – тихонько позвал параметрявку Герт. – Прыгай в меня, спасайся.

Обаятельная параметрявка какое-то время раздумывала, но, услышав приближающийся противный скрип чистила, решилась прыгнуть на грудь новичку и проникнуть ему внутрь. Видимо, для параметрявки лучше быть чьим-то свойством, чем сидеть в тесном меганакопнике. Герт тут же преобразился. На его похорошевшем лице заиграла очаровательная улыбка.

– А теперь держись, красотка! – проговорил он, вышел из области действия прята и направился прямо к блондинке. Всё произошло так быстро, что Фил не успел его задержать.

Девушка, увидев вышедшего из ниоткуда Герта, опешила, а затем, взяв себя в руки, замахнулась на него чистилом, как на надоедливую параметрявку. Но обаятельный новичок не смутился:

– Привет! – поздоровался он, ослепительно улыбнувшись.

Фил сморщился от такого банального начала разговора.

– Ты кто такой? – грубо спросила заведующая складом, отступая к меганакопнику. – Я дружину сейчас позову.

– Зови, – просто сказал Герт. – Но сперва дай немного посмотреть на тебя. Хочу запомнить напоследок твоё лицо, твои глаза.

Романтик сплюнул и закрыл лицо обеими руками.

– Зачем это? – поинтересовалась блондинка, опуская чистило.

– Я люблю тебя, – заявил Герт. – С того момента, как впервые увидел. Ради тебя я проник сюда, рискуя своей свободой, а может и жизнью.

Герт когда-то рассказывал, что одни свойства влияют на другие. Наверное, увеличение блондинистости добавляет наивности и отнимает ум. Идиотская фраза новичка почему-то произвела на девушку впечатление. Она очаровательно улыбнулась:

– Ты пришёл, чтобы признаться мне в любви?

– Да. А ещё, чтобы забрать тебя отсюда и увести в далёкие страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.